18+

Виктор Вохмин

ПРОТОКОЛ НЕВОЗМОЖНОГО

Виктор Вохмин

Протокол невозможного

«Издательские решения»

Вохмин В.

Протокол невозможного / В. Вохмин — «Издательские решения»,

Роман является художественным вымыслом. Персонажи, события и организации вымышлены. Произведение не основано на конкретных реальных событиях и не является историческим свидетельством. Совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

© Вохмин В.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Обнаружение 6
Глава 1. «Счастливый билет» 6
Глава 2. «Статистика аварий» 14
Глава 3. «Аномалия» 21
Глава 4. «Касса» 29
Глава 5. «Кровь и халат» 37
Глава 6. «Запись» 46
`ВЕРЕТЕННИКОВ С. С. — 1000 — ДОЛГОСРОЧНАЯ — ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ` 47
Глава 7. «Отцовская коробка» 56
Глава 8. «Профессор Штерн» 64
Глава 9. «Сдвиг» 72
Глава 10. «Философия кассы» 81
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Протокол невозможного

Виктор Вохмин

© Виктор Вохмин, 2026

ISBN 978-5-0071-7105-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Обнаружение

Глава 1. «Счастливый билет»

В общежитии №2 на Спартака пахло мокрой штукатуркой и варёной картошкой. Ремонт обещали закончить к сентябрю, но в коридоре третьего этажа всё ещё стояли вёдра с побелкой, а на лестнице белели следы чужих ботинок. Илья проснулся в шесть сорок, за минуту до будильника, и некоторое время лежал, слушая, как за окном дворник скребёт асфальт.

На тумбочке лежали часы отца — «Победа» с треснувшим стеклом. Илья завёл их вчера и поставил на семь минут вперёд, потому что старый механизм отставал. Он взял часы в руку, посмотрел на циферблат и мысленно вычел семь минут. Получалось шесть тридцать три. Время сходилось.

В комнате стояли две койки. Вторая была смята, одеяло сползло на пол, а на подушке лежала раскрытая книга — Костя засыпал над ней каждый вечер и каждое утро делал вид, что читал. На столе стоял магнитофон «Весна», рядом — пачка болгарских сигарет и три билета «Спортлото». Костя утверждал, что когда-нибудь обязательно угадает шесть цифр. Илья посчитал вероятность и сказал, что скорее в общежитии сделают ремонт. Костя обиделся, но не сильно.

Общежитие Илье выхлопотали после смерти отца. Завод написал письмо в институт, институт пошёл навстречу: в двухкомнатной квартире на «Чайке-2» жили втроём, и Илье негде было даже поставить стол. Тогда это казалось удачей. Теперь он иногда думал, что им просто повезло. А везение он не любил: его нельзя было посчитать.

Илья сел на койке, сунул ноги в тапочки и достал из-под подушки тетрадь в клетку. На первой странице был столбик:

Стипендия — 45 р. (10-го)
Завод — 60 р., если возьмут (25-го)
Лекарства — 8 р.
Проезд — 1 р. 20 к.
Хлеб, молоко — 6 р.
Лена — 10 р.
Остаток — ?

Остаток он всегда считал в конце. Иногда получалось больше, чем он думал. Чаще — меньше.

Он пересчитал деньги в кармане куртки. Семь рублей пятьдесят копеек. Две бумажки по три, рубль, две монеты по двадцать и одна десять. Он разложил их на одеяле, потом сложил обратно. Семь пятьдесят. До стипендии неделя, до заводских — три недели. Лекарство стоило восемь рублей, если его удавалось достать. В аптеке на прошлой неделе сказали, что дигоксин будет «после праздников». Праздники закончились в субботу.

Костя заворочался, высунул из-под одеяла лохматую голову и посмотрел на Илью одним глазом.

— Ты чего в такую рань? — спросил он хрипло. — Первая пара в десять.

— В девять.

— Тем более.

Костя сел, почесал шрам на брови и потянулся к сигаретам. Илья открыл форточку. За окном уже шумел город: трамвай звякнул на повороте, внизу хлопнула дверь подъезда, женщина крикнула кому-то про молоко.

— Ты бы хоть позавтракал, — сказал Илья.

— Я и завтракаю. — Костя закурил и выпустил дым в форточку. — Хлеб есть?

Илья достал из сумки половину кирпичика, которую мать положила вчера. Костя отломил горбушку, посыпал её солью и стал, есть, придерживая сигарету мизинцем.

— Ну как? — спросил он, кивнув на куртку, висевшую на спинке стула. Куртка была джинсовая, синяя, с двумя карманами на груди. — Настоящая. Из Москвы привезли.

Илья посмотрел на куртку. Ткань была плотная, швы ровные, на пуговицах — мелкие буквы. На рынке за такую просили рублей восемьдесят, если не больше.

— Сколько отдал?

— Сто.

— Сто? — Илья перестал жевать. — У тебя же стипендия сорок пять.

— Ну и что? — Костя пожал плечами. — Я не сразу. Я в рассрочку.

— У кого?

— У людей. — Костя затянулся. — Не бери в голову.

Илья взял в голову. Он всегда брал в голову. Сто рублей — это два месяца стипендии, если ничего не есть и не платить за общежитие. Или четыре месяца, если есть. Или, если считать с процентами, о которых Костя не говорил, — неизвестно сколько.

— Ты в кассу собираешься? — спросил Костя, будто прочитал его мысли.

— В какую кассу?

— Взаимопомощи. В профкоме. Там дают до зарплаты. Или до стипендии. — Костя стряхнул пепел в форточку. — Все берут, старик. Никто не умирает.

— Пока, — сказал Илья.

Костя засмеялся, но как-то коротко, без обычной своей лёгкости. Потом посмотрел на часы, которые Илья всё ещё держал в руке, и сказал:

— Ты с ними как с ребёнком.

— Они отстают.

— Все отстают. — Костя поднялся, взял полотенце и вышел в коридор.

Илья остался сидеть на койке. Он слышал, как в умывальной шумит вода и кто-то ругается, что опять нет горячей. Он снял майку и посмотрел на себя в зеркало, висевшее на дверце шкафа. На груди, по центру, шёл тонкий белый шрам — длинный, ровный, будто кто-то провёл по коже линейкой. Илья провёл по нему пальцем и отвернулся.

Он не помнил операции. Ему было два года. Он знал только то, что рассказывала мать: сердце, Москва, «всё обошлось». Больше она не говорила, а он не спрашивал. В детстве он думал, что шрам — это отметина, по которой его узнают. Потом понял, что никто не ищет.

Костя вернулся, вытирая лицо полотенцем.

— Слушай, — сказал он. — Ты чего такой? Первый день же.

— Ничего.

— Опять считал?

— Немного.

— Ну и зря. — Костя натянул куртку, посмотрел на себя в зеркало, повернулся боком. — Хороша. Как думаешь?

— Как у фарцовщика.

— Спасибо, — сказал Костя с достоинством. — Я старался.

Они вышли из общежития в половине девятого. Утро было тёплое, сухое, с тем особенным сентябрьским светом, когда всё кажется чуть золотистее, чем есть. На Спартака уже стояла очередь у гастронома: женщины с авоськами, старик с бидоном, парень в кепке, который делал вид, что просто мимо. В пивной на углу открыли двери, и оттуда пахло мокрым деревом и вчерашним.

КПИ встретил их запахом мастики и мела. На главном входе висела растяжка: «Всё во имя человека, всё для блага человека!». Под ней стояли первокурсники с цветами, ещё не

понимавшие, куда им идти. Их родители топтались рядом, держа сумки и коробки с тортами. Илья обошёл их по краю, как обходил любые скопления людей.

В коридоре третьего этажа висело расписание. Возле него толпилась группа — человек двадцать, все свои, третьекурсники. Рита Соколова стояла ближе всех, в очках, с новой общей тетрадью под мышкой, и водила пальцем по строчкам.

— Веретенников, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты знаешь, что у нас первая пара в девять?

— Знаю.

— А почему тогда все стоят? — Она повернулась. — Я спрашиваю у всех, и никто не знает, в какой аудитории.

— В двенадцатой.

Рита посмотрела на расписание, потом на него.

— Там написано «ауд. 12 (корп. Б)».

— Корпус Б — это через двор. Двенадцатая на втором этаже, рядом с кафедрой.

— Ты уверен?

— Я там был в прошлом году.

Рита поджала губы. Она не любила, когда кто-то знал больше неё. Илья это знал и всё равно сказал. Иногда он не мог остановиться.

— Ладно, — сказала она. — Проверим.

Костя хлопнул Илью по плечу:

— Ну что, пошли в корпус Б. Если опоздаем, скажем, что искали истину.

— Ты искал истину в пивной? — спросил Илья.

— Я искал там справедливость.

В аудитории пахло старыми партами и табаком. Окна были открыты, но воздух не двигался. На стене висел портрет Ленина в рамке, рядом — стенгазета с фотографией передовиков производства и заметкой «Наши отличники». Илья сел на третью парту у окна, Костя — за ним, развалившись так, чтобы было видно куртку.

Преподаватель, пожилой мужчина в сером костюме с мелом на лацкане, вошёл ровно в девять, положил на стол журнал и обвёл аудиторию взглядом.

— Ну-с, — сказал он. — С возвращением. Кто не сдал летнюю сессию, может идти. Остальные — слушать.

Он начал с повторения. Теория вероятностей, третий курс, первый семестр. Формулы на доске, сухие цифры, стрелки. Илья слушал и записывал, но половина его внимания была занята другим: он считал, сколько дней осталось до стипендии, и прикидывал, можно ли достать дигоксин через заводскую поликлинику.

— Веретенников, — сказал преподаватель. — К доске.

Илья поднялся. На доске была задача про партию деталей и вероятность брака. Он прочитал условие, подумал несколько секунд и начал писать. Мел скрипел, цифры выстраивались ровно, как солдаты.

— Верно, — сказал преподаватель, когда он закончил. — Садитесь. Пять.

Илья сел. Костя сзади шепнул:

— Ты бы хоть улыбнулся. Люди подумают, что ты недоволен.

— Я доволен.

— Не видно.

После пары они вышли в коридор. Рита догнала Илью возле доски объявлений.

— Веретенников, — сказала она. — Ты вчера получил задание по практике?

— Нет.

— А я получила. — Она показала листок. — Мне сказали, что это очень важно для характеристики.

Илья посмотрел на листок. Обычная тема: «Статистическая обработка данных о травматизме на промышленном предприятии». Он уже видел такие задания. Ничего сложного. Но Рита смотрела на него так, будто держала путёвку в жизнь.

— Хорошая тема, — сказал он.

— Ты думаешь?

— Да. Если данные нормальные.

— А если нет?

— Тогда тоже хорошо. Будет что исследовать.

Рита не поняла, шутит он или нет. Она сложила листок вчетверо и убрала в тетрадь.

На доске объявлений висело новое: «Кафедра прикладной математики приглашает студентов 3 курса для работы по хоздоговору с заводом „Прогресс“. Собеседование 5 сентября, ауд. 12, 16:00». Внизу был номер телефона и фамилия: «Мельников В. П.».

Илья переписал номер в тетрадь. Костя заглянул ему через плечо.

— На завод хочешь?

— Деньги нужны.

— Всем нужны. — Костя помолчал. — Там, говорят, хорошо платят. И можно достать всякое.

— Какое всякое?

— Ну, всякое. — Костя подмигнул. — Запчасти, лекарства. У них там снабжение.

Илья ничего не ответил. Он уже думал о другом: если собеседование пятого, а стипендия десятого, то к двадцать пятому он получит первые деньги. К этому времени лекарство нужно будет ещё два раза. Он посчитал в уме: восемь плюс восемь, плюс проезд, плюс хлеб. Получалось, что заводских денег хватит, если не есть в столовой и не покупать ничего лишнего.

— Ты идёшь? — спросил Костя.

— Пойду.

— Ну и правильно.

После второй пары Илья поехал домой. Он мог бы остаться в общежитии, но Лена в последние дни кашляла, и мать вчера передала через соседку, что «опять началось». Илья не знал, что именно началось, но знал, что должен быть дома.

Он дошёл до остановки, купил у билетной кассы книжечку талонов и зашёл в трамвай. Вагон был старый, чешский, с деревянными сиденьями и дребезжащими стёклами. Илья сел у окна, достал из кармана талон и пробил его в компостере на стене. На билете отпечатался номер: 341251.

Он машинально сложил первые три цифры. Три и четыре и один — восемь. Потом последние. Два и пять и один — восемь. Сумма сходилась.

Счастливый.

Илья посмотрел на билет. Отец всегда проверял. Он ездил на завод на седьмом трамвае, и у него в кармане всегда лежала книжечка талонов. Он говорил: «Сумма должна сходиться. Если не сходится — значит, где-то ошибка». Илья тогда не понимал, о чём он. Теперь понимал: о цифрах. Или не только о них.

Он хотел выбросить билет, но не выбросил. Открыл учебник по теории вероятностей, который лежал в сумке, и вложил талон между страницами. Пусть будет. Не потому, что он верил в приметы. Просто иногда хотелось, чтобы хоть что-то сходилось само.

Трамвай переехал Волгу. За окном вода была серой, с белыми барашками, у причала стояла баржа, гружённая лесом. На другом берегу дымили заводские трубы, и дым стелился низко, к самой воде. Илья смотрел на него и считал трубы: одна, две, три, четыре. Пятая не дымила. Он не знал, что это значит, но отметил.

В «Чайке-2» пахло тополями и пылью. Пятиэтажки стояли одинаковые, с балконами, заставленными банками и вёдрами. У подъезда бабушки сидели на лавочке и обсуждали чью-то дочь, которая «вышла, а он, оказывается, женат». Илья поздоровался и прошёл мимо.

На третьем этаже, у двери, он услышал кашель. Сухой, короткий, будто кто-то стучал по дереву. Он открыл дверь своим ключом.

— Это я, — сказал он.

В коридоре было темно. Из комнаты падал свет настольной лампы. Лена сидела за столом, в тёплом платке, с учебником истории на коленях. Она подняла голову и улыбнулась.

— Явился, — сказала она. — А я думала, ты теперь важный студент и домой не придёшь.

— Я и есть важный. — Илья снял куртку, повесил её на гвоздь. — Ты почему не в школе?

— Мама сказала, чтобы я посидела. У меня температура. В субботу я на линейку сходила, а сегодня уже не могла.

— Какая?

— Тридцать семь и два.

— Это не температура.

— Для меня температура, — сказала Лена с достоинством. — Я не такая, как все.

Илья подошёл, положил ладонь ей на лоб. Лоб был тёплый, но не горячий. Он посмотрел на её губы — бледные, с лёгкой синевой по краям. Ему это не понравилось. Он не был врачом, но за последние годы выучил некоторые вещи: синева, одышка, холодные пальцы. Он взял её руку. Пальцы были ледяные.

— Ты ела?

— Мама суп оставила.

— Ешь.

— Сейчас.

Из кухни вышла мать, вытирая руки о полотенце. На ней был белый халат, под ним — тёмное платье, на ногах — войлочные тапочки. Она работала в заводской столовой, сменами, и дома от неё всегда пахло капустой и мылом.

— Пришёл, — сказала она. — Ну, как первый день?

— Нормально.

— Пятёрка была?

— Была.

Мать кивнула, будто другого не ожидала. Она подошла к Лене, поправила платок на её плечах и сказала:

— Ты бы легла.

— Я сижу.

— Вот и сиди. — Мать повернулась к Илье. — Ты голодный?

— Нет.

— Врёшь.

Она достала из духовки чугунок, поставила на стол. Внутри была картошка с мясом, вернее, с тем, что осталось от мяса: несколько кусочков, больше для запаха. Илья сел и стал есть. Мать села напротив, положила руки на стол. Её пальцы были красные, с трещинами, ногти обрезаны коротко.

— Как в общежитии? — спросила она.

— Нормально.

— Ремонт сделали?

— Обещали.

— Обещать у нас умеют.

Лена закашлялась. Кашель был сухой, надсадный, и после него она долго не могла вдохнуть. Илья отложил ложку. Мать поднялась, принесла кружку с водой, подождала, пока Лена сделает глоток.

— Где дигоксин? — спросил Илья.

Мать не сразу ответила.

— Кончился.

— А рецепт?

— Есть. — Она достала из кармана халата сложенную бумажку. — В аптеке сказали, что нет. Обещали в четверг.

— В четверг я могу достать.

— Где?

— На заводе. Через поликлинику. Или через ребят.

— Через каких ребят? — Мать посмотрела на него. — Ты в какие-то дела не лезь.

— Я не лезу. Я просто спрашиваю.

— Вот и не спрашивай.

Илья замолчал. Он знал этот тон. Мать могла быть мягкой, могла шутить, но иногда в ней что-то закрывалось, как ставень, и тогда лучше было не стучать.

Лена отпила воды и сказала:

— Мам, ну чего ты. Он же помочь хочет.

— Я знаю, чего он хочет, — сказала мать. — Я всё знаю.

Она встала и ушла в кухню. Илья слышал, как она открыла кран, как зашумела вода. Лена посмотрела на него и пожала плечами.

— Она не злится, — сказала она. — Она боится.

— Чего?

— Не знаю. — Лена помолчала. — Она всё время говорит, что мы в долгу.

Илья нахмурился.

— Перед кем?

— Не говорит. — Лена взяла учебник. — Может, перед соседями. Может, перед папой.

Илья посмотрел на фотографию на серванте. Отец смотрел с неё чуть в сторону, будто его что-то отвлекло. В белой рубашке, с галстуком, с короткой стрижкой. На обороте было написано: «Серёже от коллектива. 1976». Илья помнил этот год: отец тогда получил новую должность, они ездили в Москву, в зоопарк. Лена была маленькая и боялась слона. Отец смеялся и говорил: «Он большой, но добрый. Как я».

— Ты его помнишь? — спросила Лена.

— Помню.

— А я почти нет. — Она провела пальцем по краю страницы. — Только как он пах. Табаком и чем-то ещё. Машинным маслом, что ли.

Илья помнил. Отец приходил с завода в спецовке, мыл руки в ванной, и от него пахло металлом и горячим маслом. Потом он садился на кухне, пил чай с хлебом и говорил: «Всё будет хорошо». Он всегда так говорил. Даже когда было плохо.

— Я его помню, — сказал Илья. — Он говорил, что сумма должна сходиться.

Лена засмеялась, потом закашлялась.

— Какую сумму?

— Любую. — Илья пожал плечами. — Если не сходится, значит, где-то ошибка.

— Ты тоже так говоришь.

— Я знаю.

— Ты как старик. — Лена откинулась на спинку стула. — Тебе девятнадцать, а ты как будто уже всё посчитал.

Илья не ответил. Он доел картошку, собрал тарелки и отнёс в кухню. Мать стояла у окна, смотрела на двор. За окном дети играли в футбол, мяч стучал по стене, и кто-то кричал: «Пас! Пас!».

— Мам, — сказал Илья. — Я на завод устроюсь. По хоздоговору. Буду получать.

Мать не обернулась.

— Учись.

— Я учусь. Это не мешает.

— Мешает.

— Нам нужны деньги.

— Я знаю, что нам нужно. — Она повернулась. — Ты не должен.

— Должен.

— Не должен, — сказала она тихо. — Ты не должен платить.

Илья не понял, о чём она. Он хотел спросить, но мать уже отвернулась и взяла тряпку.

— Иди, — сказала она. — Лене нужно отдохнуть.

Он вернулся в комнату. Лена лежала на диване, укрытая старым пледом, и смотрела в потолок.

— Ты, правда, пойдёшь на завод? — спросила она.

— Правда.

— Там папа работал.

— Знаю.

— Тебе не страшно?

Илья сел на стул рядом. Он думал об этом. Завод был для него не местом, а человеком: высокий, в спецовке, с запахом масла. Отец умер там в семьдесят девятом, и Илья не любил об этом думать. Но деньги были нужны.

— Нет, — сказал он. — Там нормально.

Лена повернула голову.

— Ты врёшь.

— Немного.

— Ты всегда врёшь, когда думаешь, что так будет лучше. — Она посмотрела на него. — Но ты не знаешь, что лучше.

Илья хотел сказать, что знает. Что он всё посчитал: стипендию, завод, лекарства, дорогу. Что если всё сходится в цифрах, значит, сходится и в жизни. Но он вспомнил, как она кашляла, как её пальцы были ледяные, и ничего не сказал.

Вечером он сидел на кухне с тетрадью. В окне горел фонарь, на кухне пахло остывшим супом. Он написал:

Завод — 60 р., если возьмут (25-го)

Лекарства — 8 р.

Долг?

Последнее слово он обвёл и зачеркнул. Потом написал снова: «Касса». И снова зачеркнул.

В дверь постучали. Соседка, тётя Зина, просунула голову:

— Илья, тебя к телефону. Из завода.

Он вышел в коридор, накинул куртку. У тёти Зины на тумбочке стоял чёрный телефон, рядом лежал блокнот и карандаш на нитке. Илья снял трубку.

— Веретенников? — сказал женский голос. — Виктор Петрович Мельников просит вас прийти в понедельник, десятого, к десяти утра. В вычислительный центр. Вопрос о работе.

— Хорошо, — сказал Илья. — Я приду.

— Пропуск закажут. Не опаздывайте.

В трубке щёлкнуло. Илья постоял секунду, слушая гудки, потом положил трубку.

— Спасибо, — сказал он тёте Зине.

— Не за что, — сказала она. — Работаешь?

— Пока нет.

— Будешь.

Он вернулся домой. Лена уже спала, или делала вид, что спит. Мать сидела в кресле с шитьём, но игла стояла в ткани, и она не двигалась. Илья прошёл на кухню, открыл учебник, чтобы убрать тетрадь. Между страницами лежал счастливый билет.

Он посмотрел на номер. 341251. Восемь и восемь.

Сумма сходилась.

Илья закрыл книгу. За стеной кашляла Лена. Он посчитал вдохи — девять, десять, одиннадцать — и пошёл спать.

Глава 2. «Статистика аварий»

К проходной завода «Прогресс» Илья подошёл в двадцать минут десятого. Он специально вышел на остановку раньше и теперь стоял в стороне, у бетонной тумбы с расписанием смен, и смотрел, как в ворота вливается народ.

Люди шли быстро, не глядя по сторонам. Мужчины в спецовках, женщины в платках и куртках, молодые парни с сумками через плечо, пожилой мастер с папкой под мышкой. У всех были одинаковые лица — сосредоточенные и немного отсутствующие, как у человека, который знает дорогу наизусть и думает о чём-то другом. Над воротами висела растяжка: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Ниже, на кирпичной стене, — доска почёта с фотографиями и цифрами: «План августа — 104,2%».

Илья проверил бумажку, которую дал ему Мельников. На ней было написано печатными буквами: «Веретенников И. С. 10.09.84. ВЦ. Пропуск заказан». Бумажка была мятая, потому что он сжимал её в кармане всю дорогу.

Пятого сентября он приходил в двенадцатую аудиторию КПИ. Мельников оказался невысоким человеком с лысиной, прикрытой аккуратно зачёсанными волосами, в очках с толстыми стёклами и в дешёвом сером костюме, который был ему великоват. Он задал три вопроса: что такое дисперсия, как проверить выборку на неоднородность и почему Илья хочет на завод. Илья ответил про дисперсию, про критерий и про деньги. Мельников посмотрел на него внимательно, потом сказал: «Честно. Хорошо». И добавил, что оформление будет на заводе, десятого, к десяти. Потом задал ещё один вопрос, которого не было в списке: «Вы не из заводских?» Илья сказал, что отец работал. Мельников кивнул так, будто ждал этого ответа, и больше не спрашивал.

Илья тогда удивился, что всё решилось так быстро. Он привык, что в институте любое дело требует трёх подписей и недели ожидания. Теперь, глядя на проходную, он вспомнил этот кивок.

Он стоял у ворот и думал, что, может быть, всё ещё переиграют.

— Веретенников? — спросила вахтёрша, не поднимая головы от списка. — К Мельникову?

— Да.

Она провела пальцем по бумаге, нашла строку и кивнула:

— Бюро пропусков. Вон дверь. Получишь временный, потом фотографию принесёшь.

Бюро пропусков было маленькой комнатой с окошком, за которым сидела женщина с высокой причёской. Она долго искала его фамилию в тетради, потом выписала пропуск — картонную карточку с номером и синей полосой. Илья расписался в журнале. Буквы получились неровные.

— Табельный четыреста одиннадцать, — сказала женщина. — Не потеряй. Постоянный через неделю, когда фотография будет. И в отдел кадров зайди, второй этаж, двести четвёртая. Там всё оформят.

Он вышел во двор. Завод оказался не зданием, а городом: длинные корпуса, трубы, эстакады, рельсы, уходящие в цеха, и запах — горячий металл, мазут, мокрая пыль. Где-то в глубине гудел кран, и этот звук отдавался в бетоне под ногами. Илья шёл по асфальтовой дорожке вдоль стены, на которой были нарисованы стрелки и номера цехов, и чувствовал себя школьником, впервые попавшим на взрослый объект.

Отец ходил здесь каждый день. Много лет. Илья попытался представить его в этой толпе — высокого, в спецовке, с папкой, — но не смог. Отец остался в памяти человеком, который сидел на кухне, пил чай и говорил: «Всё будет хорошо». Завод был отдельно, как другая жизнь.

Административный корпус стоял в глубине двора, за площадью с памятником Ленину. В коридоре второго этажа пахло бумагой и кофе. На стенах висели приказы, графики, фотографии передовиков. Илья нашёл двести четвёртую и постучал.

— Входите, — сказала женщина за столом.

Её звали Клавдия Ивановна. Она была в очках, с толстой папкой и усталыми глазами. Илья отдал паспорт, студенческий билет и характеристику из института. Она разложила бумаги, проверила каждую, потом достала бланк.

— Значит, лаборант вычислительного центра, половина ставки, — сказала она. — С десятого сентября. Оклад сто двадцать, значит, шестьдесят в месяц. Первая получка двадцать пятого. Аванс не просите, новым не дают.

Илья кивнул. Шестьдесят рублей. Стипендию сегодня выдавали после третьей пары, а он ушёл на завод, так что в кармане оставалось семь с небольшим. Он быстро посчитал: дигоксин — восемь рублей, если достать; ещё восемь в конце месяца; проезд; хлеб. Получалось, что до стипендии можно дотянуть. Если ничего не случится.

— Заявление пишите, — сказала Клавдия Ивановна. — Вот здесь: «Прошу принять меня на должность лаборанта вычислительного центра на 0,5 ставки с 10 сентября 1984 года». Число, подпись.

Он написал. Ручка оставила на бумаге синюю дорожку, и он подумал, что это первая его подпись на заводском документе. Отец тоже когда-то так начинал.

— В профком зайдите, — сказала Клавдия Ивановна, складывая бумаги. — Комната сто восемнадцать. Взносы с первой получки. И касса взаимопомощи там же, если понадобится. Заявление отдельное. — Она посмотрела на часы. — И на инструктаж по технике безопасности, сто шестая. Потом уже в вычислительный центр.

Илья кивнул. Касса. Костя говорил о ней в общежитии, будто о сберкассе, где можно взять до зарплаты и никто не умирает. Илья тогда не поверил. Теперь слово прозвучало иначе — как название комнаты, в которую можно зайти.

В дверь постучали. Клавдия Ивановна подняла голову.

— Да.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл мужчина в сером костюме. Он был широкий, с седыми волосами, зачёсанными назад, и тяжёлой челюстью. В петлице у него не было никаких значков, но по тому, как Клавдия Ивановна выпрямилась, Илья понял: этот человек здесь не просто гость.

— Веретенников? — сказал мужчина. — Илья Сергеевич?

— Да.

— Гончаров. Виктор Аркадьевич. — Он протянул руку. Рукопожатие было твёрдым, ладонь сухой и тёплой. — Начальник отдела кадров. А ты, значит, к нам работать.

— К Мельникову. В вычислительный центр.

— Знаю. — Гончаров улыбнулся. — Я твою заявку читал. Вылитый отец. Только очки не его.

Илья не знал, что на это сказать. Он не помнил, чтобы кто-то говорил, что он похож на отца. Обычно говорили: «Весь в мать».

— Вы знали отца?

— Знал. — Гончаров посмотрел на него внимательно, будто проверял что-то. — Сергей Сергеевич у нас инженером был. Хороший инженер. Упрямый. — Он помолчал. — Я тебя помню. Ты с ним приходил, в семьдесят восьмом. Всё считал ступеньки. Он смеялся: бухгалтер растёт.

Илья не помнил заводской ёлки. Он помнил запах мандаринов, бумажные снежинки и чей-то большой стол, за которым взрослые пили чай. Может, это было в школе. Может, здесь.

— Он часто про тебя говорил, — сказал Гончаров. — Гордился. — Он помолчал. — Мать как? Нина Петровна? Всё в столовой?

— В столовой.

— Передай ей привет. Хорошая женщина. — Он снова помолчал. — Жаль, что так вышло.

В кабинете стало тихо. Клавдия Ивановна перестала перекладывать бумаги. Илья почувствовал, что должен что-то сказать, но слова не шли. «Так вышло» — это было про аварию, про кран, про похороны, на которых он стоял в пальто не по размеру и держал мать за руку. Ему было четырнадцать. Он помнил не лица, а запахи: венки, мокрый снег, чужой одеколон.

— Спасибо, — сказал он, наконец.

— Не за что. — Гончаров повернулся к Клавдии Ивановне. — Оформи без проволочек. Мальчику учиться надо и работать. — И снова к Илье: — Зайди ко мне, когда устроишься. Не для отчёта. Просто поговорим.

Он вышел так же спокойно, как вошёл. Дверь закрылась. Клавдия Ивановна выдохнула и стала быстрее перекладывать бумаги.

— Хорошо, что ты пришёл, — сказал Гончаров уже из коридора, обернувшись. — Нам нужны такие, как ты.

Илья посмотрел на дверь. Голос у Гончарова был отцовский — не по возрасту, а по тому, как он говорил «мальчику надо учиться». В нём не было угрозы. В нём было что-то другое, от чего Илье захотелось одновременно кивнуть и отступить на шаг.

— Виктор Аркадьевич у нас кадрами занимается, — сказала Клавдия Ивановна, будто извиняясь. — Он всех знает.

— Всех?

— Ну, не всех. — Она пожала плечами. — Но многих.

Она достала из ящика ещё один бланк, вписала фамилию, поставила дату и отправила его в папку. Потом посмотрела на Илью поверх очков.

— Ты не стесняйся. Здесь работают люди. И ты будешь работать. Главное — не опаздывай и не теряй пропуск.

В коридоре, у доски с приказами, висела старая фотография в рамке. На ней группа мужчин в костюмах стояла у нового вагона. Внизу было написано: «Совет специалистов завода. 1976». Илья остановился. Отец стоял вторым слева, в белой рубашке и галстуке, и смотрел чуть в сторону, как на фотографии в серванте. Рядом с ним, положив руку ему на плечо, стоял молодой Гончаров. Волосы у него были темнее, но улыбка та же.

— Это после сдачи опытного вагона, — сказал Гончаров за спиной.

Илья вздрогнул. Он не слышал, как тот подошёл.

— Он тогда в горком ходил с предложениями, — продолжал Гончаров. — Доказывал, что можем делать вагоны лучше, чем в Риге. Ему говорили: не высовывайся. А он всё равно. — Он помолчал. — Характер.

Илья смотрел на отца. Тот казался моложе, чем в памяти, и счастливее. Илья не знал, что отец ездил в горком. Дома об этом не говорили.

— Ладно, — сказал Гончаров. — Работай. Мельников тебя не обидит. А если что — заходи, у меня дверь открыта.

Он ушёл по коридору, и его шаги были тяжёлыми и ровными, как метроном.

Сто шестая была на первом этаже, рядом с пожарным щитом. За столом сидел пожилой мужчина с указкой и журналом. На стене висел плакат: рабочий в каске, а над ним красная надпись «Не стой под грузом!».

— В цеха без сопровождения не ходить, — сказал мужчина, не глядя на Илью. — Каска — обязательно. Под краном не стоять. Руки в станки не совать. Всё понятно?

— Понятно.

— Распишись. — Он пододвинул журнал. — У нас по травматизму лучшее положение в области. Министерство ставит в пример. Ты это запомни.

— А статистику кто считает? — спросил Илья.

Мужчина поднял голову.

— Статистику — отдел техники безопасности. А мы — профилактику. — Он забрал журнал. — Иди. И не вздумай в цех без сопровождения.

Илья вышел. На лестнице пахло мокрой тряпкой и мастикой. Он подумал, что за один день узнал о заводе больше, чем за все годы, пока отец здесь работал. И почти ничего из этого не было про отца.

Вычислительный центр занимал два этажа в конце корпуса. Мельников ждал Илью у двери с табличкой «ВЦ. Вход по пропускам». Он был в том же сером костюме, что и на собеседовании, и держал портфель у груди, будто защищался им.

— Ну, наконец, — сказал он. — Оформили?

— Оформили.

— Хорошо. — Мельников посмотрел на часы. — Сейчас у нас машинное время до обеда. Проверка в октябре, а у меня половина данных не набита. Ты умеешь с перфокартами?

— Теорию знаю.

— Теорию все знают. — Мельников вздохнул. — Пойдём.

Он провёл Илью через предмашинный зал, где стояли шкафы с лентами и папками, в машинный. Там было холодно и шумно. За стеклянной перегородкой мигали лампочки на пульте ЕС ЭВМ, крутились катушки магнитных лент, а рядом, за отдельным столом, оператор складывала бесконечную бумажную ленту гармошкой. АЦПУ стрекотало, как большая пишущая машинка, и бумага шипела, выползая наружу.

— В уличной обуви нельзя, — сказал Мельников и показал на полку с тапочками. — Вот твои. Халат у кладовщицы возьмёшь. И не ходи по залу без дела. Машина этого не любит.

Илья снял ботинки, надел тапочки и халат. Халат был велик и пах хлоркой. Он почувствовал себя одновременно важным и нелепым.

— Это ЕС-1022, — сказал Мельников, кивнув на машину. — Считает быстро, но памяти мало. Данные — на перфокартах. Задание такое: травматизм за пять лет. Семьдесят девятый — восемьдесят третий. И девять месяцев восемьдесят четвёртого. По цехам, по профессиям, по исходам. Акты формы Н-1 у тебя в папках. Часть уже набита, но проверь. Люди набивали, а люди ошибаются.

— К какому сроку?

— К двадцать пятому. — Мельников помолчал. — Проверка будет смотреть форму. Нам нужна гладкая статистика.

— Гладкая — это какая?

— Такая, чтобы сходилась. — Мельников посмотрел на него. — Считай честно. Но если найдёшь что-то странное — сначала ко мне. Не в партком. Понял?

Илья кивнул. Он хотел спросить, что значит «странное», но вместо этого спросил:

— А график?

— После пар, с двух до шести. В субботу — если вызовут. — Мельников уже отвернулся и пошёл к оператору. — Но сегодня сиди до шести: надо ввести тебя в курс. И не опаздывай. Машинное время не ждёт.

— Люба, покажи ему перфоратор. И объясни, что к чему. Только быстро.

Люба была женщиной лет сорока пяти, в синем халате, с высокой причёской и усталыми глазами. Она кивнула Илье, как старому знакомому, и подвела его к столу, на котором стоял перфоратор — большая машина с клавиатурой, похожей на пишущую машинку, и щелью для карт.

— Значит, так, — сказала она. — Карта восьмидесяти колоночная. Каждая колонка — цифра или буква. Вот сюда вставляешь, вот здесь набираешь. Ошибся — карту в корзину, не перебивай. Машина не любит, когда её обманывают.

Она взяла чистую карту, быстро набрала несколько цифр и вынула её.

— Попробуй.

Илья сел. Клавиши были тугие, и он нажал не туда. Машина проглотила карту, но на выходе та застряла. Люба вытащила её, посмотрела на свет.

— Девятка в шестой колонке — это не девятка. Это пробел. — Она покачала головой. — Ничего. Первый день. Ты не торопись. Машина спешки не любит.

Илья попробовал снова. На этот раз карта вышла ровной, с аккуратными прямоугольными дырками. Он почувствовал странную гордость, будто решил задачу.

— Ну вот, — сказала Люба. — Научишься. Тут главное — не сбиться. Их у тебя будет тысяча.

— Тысяча?

— Может, больше. — Она пожала плечами. — Смотря сколько актов.

Она ушла к АЦПУ, а Илья остался за столом с папками. В папках лежали акты — тонкие листы с машинописным текстом и подписями. «Акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1». Дата, цех, фамилия, обстоятельства, исход. Илья начал читать.

«Токарь механического цеха гр. Смирнов А. В., 1953 г. р., получил травму при обработке детали…»

«Слесарь-ремонтник литейного цеха гр. Ершов Н. П., 1946 г. р., ушиб правой кисти…»

Илья остановился на фамилии. Ершов. Он не знал этого человека. Фамилия была обычной, но он почему-то отметил её. Он перевернул лист. Исход: «без потери трудоспособности». Ершов вернулся на работу через три дня.

Дальше шли другие. Много других. Илья читал и набивал: цех, профессия, год, исход. Цифры складывались в столбики. Он работал медленно, но с каждым часом всё увереннее. К обеду у него была первая пачка карт, перетянутая резинкой.

В двенадцать в машинный зал пришёл мужчина в пиджаке, с папкой под мышкой. Он остановился у стола Мельникова и сказал:

— Виктор Петрович, у меня квартальный отчёт. Мне нужно машинное время.

— У меня министерская проверка, — сказал Мельников.

— А у меня — квартальный. Меня директор ждёт.

— А меня — министерство.

Они смотрели друг на друга. Потом Мельников вздохнул.

— Через час. Дам полчаса.

— Через час у меня совещание.

— Значит, после совещания.

Мужчина ушёл, хлопнув дверью. Мельников посмотрел ему вслед и сказал тихо, ни к кому не обращаясь:

— Все торопятся. А потом спрашивают, почему цифры не сходятся.

Илья набивал карты. В какой-то момент он заметил закономерность: у литейного цеха почти все травмы — тяжёлые, у механического — разные, а у отдела кадров — только лёгкие. Он отложил карту и перечитал несколько листов. У отдела кадров было четыре случая за пять лет: ушиб пальца дверью, растяжение на субботнике, падение на лестнице, ещё один ушиб. Все — без потери трудоспособности.

Илья достал эти четыре акта и разложил перед собой. Первый, 1979 год: ушиб пальца. Второй, 1980-й: растяжение. Третий, 1982-й: падение на лестнице. Четвёртый, 1983-й: ушиб плеча. В третьем акте он прочитал: «Освобождён от работы на десять дней». Потом ещё раз. «Трудоспособность не утрачена. Освобождён от работы на десять дней». Он не был врачом,

но понимал, что десять дней — это не «не утрачена». В графе «председатель комиссии» было напечатано: «Гончаров В. А.».

Илья вспомнил рукопожатие в кабинете. Ладонь была сухой и тёплой.

Илья хотел показать акт Мельникову, но тот как раз кричал в телефон, что машинное время расписано до конца недели. Илья вложил лист обратно в папку.

Он взял чистый лист и выписал:

Литейный — 7 тяжёлых, 1 смертельный.

Механический — 3 тяжёлых.

Планово-экономический — 2 тяжёлых.

Бухгалтерия — 1 тяжёлый.

Отдел кадров — 0 тяжёлых, 0 смертельных.

Он посмотрел на столбик. Ноль не был невозможен. В кадрах не работали с металлом, не лазили под краном, не стояли у печи. Но пять лет подряд — ни одного тяжёлого случая? Даже на лестнице? Даже на субботнике?

Он отложил лист и вернулся к картам. Работа не ждала.

После обеда Мельников принёс ему распечатку. АЦПУ выплюнуло длинную ленту, и Илья разложил её на столе, придавив края папками. Сводка по подразделениям за 1979—1983 годы. Цифры были ровные, как солдаты. Илья проверил итоги: сходилось. Проверил по годам: сходилось. Проверил по исходам: сходилось.

И только одна строка выбивалась.

«Отдел кадров. Всего случаев — 4. Тяжёлых — 0. Смертельных — 0».

Илья подчеркнул её карандашом. Потом ещё раз. Ноль был аккуратным, круглым, будто его специально вывели.

— Виктор Петрович, — сказал он.

Мельников подошёл, посмотрел на распечатку.

— Что?

— Отдел кадров. Ноль тяжёлых за пять лет.

— И что?

— У плановиков — два. У бухгалтерии — один. А у кадров — ноль.

— Кадры не работают в цехе. — Мельников пожал плечами. — Что тебе не нравится?

— Пять лет — ни одного тяжёлого. Даже на субботниках.

— Значит, повезло.

— Пять лет подряд?

Мельников посмотрел на него. Взгляд был усталый, но не злой.

— Веретенников. Ты давно на заводе?

— Первый день.

— Вот и не выдумывай. — Он забрал распечатку, просмотрел её и вернул. — Сведи как есть. В отчёт идёт общая сумма. По подразделениям — только по запросу. Понял?

— Понял.

— И вот это, — Мельников постучал пальцем по строке, — не в отчёт. Ясно?

Илья кивнул. Мельников ушёл. Люба у АЦПУ посмотрела на Илью, потом на дверь, потом снова на ленту.

— Не спорь с ним, — сказала она тихо. — Он человек хороший, но пуганый.

— Чего?

— Всякого. — Она вынула из АЦПУ новую ленту. — Ты молодой. Тебе кажется, что если цифра не сходится, то её надо пересчитать. А тут иногда проще не считать.

Илья не ответил. Он сложил распечатку в папку, перетянул резинкой и посмотрел на часы. Было шесть. В машинном зале зажгли верхний свет, и стеклянная перегородка стала похожа на витрину.

Он вышел из ВЦ в коридор, снял халат, надел ботинки. В проходной было людно: первая смена шла домой. Люди шли быстро, молча, с сумками и авоськами. Илья показал временный пропуск. Вахтёрша посмотрела на номер, кивнула.

На улице было прохладно. Над заводом висело серое небо, и пятая труба, как и в прошлый раз, не дымила. Илья постоял у ворот, потом достал из папки распечатку и развернул её на ладони.

«Отдел кадров. Всего случаев — 4. Тяжёлых — 0. Смертельных — 0».

Ноль тоже был числом. И он не сходился.

Илья сложил ленту, убрал в папку и пошёл к трамвайной остановке. За спиной гудел завод. Впереди была стипендия, лекарство, Лена и шестьдесят рублей, которые нужно было получить двадцать пятого.

У остановки стояла телефонная будка. Илья набрал номер тёти Зины. Трубку взяла тётя Зина; он попросил мать. В трубке стучали шаги, хлопнула дверь, потом послышался голос матери:

— Да?

— Лена как?

— Кашляла ночью. Дигоксин не привезли.

— Я двадцать пятого получу. Куплю.

— Не надо, — сказала мать. — Мы справимся.

— Я уже оформился, — сказал он. — Лаборантом.

В трубке было тихо. Потом мать сказала:

— Учись.

И повесила трубку.

Он посчитал ступеньки, которые прошёл от проходной до остановки. Их было двести четырнадцать. На двести четырнадцатой он остановился и обернулся.

Завод смотрел на него окнами. Ни одно не мигало.

Глава 3. «Аномалия»

В понедельник семнадцатого сентября Илья пришёл в вычислительный центр к двум. Постоянный пропуск ему выдали в пятницу, и вахтёрша теперь кивала ему, как своему. Это было приятно ровно до тех пор, пока он не понял, что кивают здесь всем, у кого пропуск не временный.

За неделю он набил три тысячи карт. Пальцы привыкли к тугим клавишам, глаза — к ровным колонкам, спина — к неудобному стулу. Он уже не путал девятку с пробелом и научился слышать, когда машина «жуёт» карту: звук становился глуше, будто перфоратор давился.

Мельников почти не разговаривал. Он ходил по машинному залу с папкой, смотрел на часы и повторял: «Двадцать пятого. Проверка в октябре. Двадцать пятого». В пятницу он принёс ещё одну коробку.

— Заодно пробей кассу, — сказал он, ставя коробку на стол. — Профком просил. Там немного, шестьсот с чем-то человек. Ведомости за пять лет.

— Касса взаимопомощи?

— Она самая. — Мельников уже смотрел в сторону АЦПУ. — Только это не для отчёта. Это так, для порядка. Профком хочет знать, кто, сколько брал и кто вернул.

Илья открыл коробку. Внутри лежали папки с машинописными сводками: фамилия, цех, сумма, дата, отметка о погашении. Без заявлений и подписей — только цифры. Бумага была тонкая, почти папиросная. На некоторых листах стояли круглые фиолетовые штампы.

— А зачем это вычислительному центру? — спросил он.

— Потому что у профкома нет своей машины. — Мельников помолчал. — И потому что Кац не умеет считать. Он умеет подписывать.

Илья кивнул. Работы было на два вечера, не больше. Он решил сделать её быстро, чтобы вернуться к травматизму. Отчёт он уже собрал, но цифры не давали покоя. Ноль в отделе кадров, десять дней освобождения при «не утрачена», подпись Гончарова. Он перепроверил акты трижды. Всё сходилось.

В ту неделю он ещё ходил на занятия. Сидел на третьей паре, в аудитории с высокими окнами, и смотрел, как преподаватель выводит на доске длинную формулу. Мелом он писал быстро, но Илья всё равно не успевал. В тетради вместо формулы получались столбики: цех, травмы, тяжесть. Он спохватывался, стирал ладонью, но через минуту снова начинал считать.

— Ты чего? — спросил Костя после пары. — Влюбился?

— Считаю.

— Все считают. — Костя зевнул. — А толку?

Илья не ответил. Он думал о том, что до двадцать пятого осталось восемь дней, а отчёт ещё не был готов. Точнее, отчёт был готов, но не сходился. И это было хуже.

Касса оказалась скучной. Он набивал фамилии, цеха, суммы. Сто рублей, пятьдесят, двадцать. Люди брали на пальто, на зубы, на свадьбу, на похороны. Возвращали медленно. Некоторые не возвращали вовсе; против таких в ведомости стояла аккуратная пометка «переоформлено».

После смены он задержался до семи. Люба ушла, АЦПУ замолчало, и в машинном зале стало слышно, как гудит вентиляция. Илья разложил на столе две стопки: акты травматизма и кассовые ведомости. Он не собирался их сравнивать. Он просто устал и хотел хоть на минуту отвлечься от колонок.

Потом он увидел фамилию.

Смирнов. Тот самый токарь из механического цеха. В акте — ушиб руки, без потери трудоспособности. В кассовой ведомости — ссуда пятьдесят рублей, погашена в срок. Илья перевернул лист. Ещё одна фамилия, знакомая по актам. Ещё одна.

Сначала он не поверил. Совпадение. Смирновых на заводе было человек двадцать, а Смирновых с ушибом руки — может, и больше. Он проверил ещё десять фамилий. Потом ещё десять. Каждый раз получалось одно и то же: люди из кассовых ведомостей попадались в актах, но почти никогда — в тяжёлых.

Он пошёл к картотеке и вытащил ящик с картами за 1984 год. Потом за 1983-й. Потом за 1982-й. Он работал до тех пор, пока Люба не сказала:

— Ты что, ревизию устроил?

— Проверяю, — сказал он.

— Проверяй тише. — Она кивнула в сторону кабинета Мельникова. — А то Виктор Петрович нервничает.

Илья вернулся за стол и выписал два столбика: «брали ссуду» и «не брали». Потом начал считать.

К одиннадцати у него была таблица. Он пересчитал её дважды, потом ещё раз, уже на машине. Получилось одно и то же.

За пять лет в заводских актах было триста двенадцать травм. Сорок одна — тяжёлая. Семь — со смертельным исходом. Из трёхсот двенадцати пострадавших сорок девять человек когда-либо брали ссуду в кассе взаимопомощи. Среди них было две тяжёлых травмы и ни одной смертельной. У остальных — двести шестьдесят три травмы, тридцать девять тяжёлых и все семь смертельных.

Илья посчитал долю. У должников кассы тяжёлые травмы составляли четыре процента. У остальных — почти пятнадцать. Разница была не просто большой. Она была неприличной.

Он проверил цеха. В литейном у должников было двадцать четыре травмы, из них две тяжёлые. У остальных — семьдесят две травмы и шестнадцать тяжёлых. В механическом — восемнадцать против пятидесяти шести, одна тяжёлая против десяти. В сборочном — двенадцать против сорока, одна против пяти.

Разница сохранялась везде. Даже там, где числа были маленькими и могли ничего не значить.

Илья откинулся на спинку стула. В зале было холодно. Он посмотрел на часы: половина двенадцатого. Общежитие закрывалось в час, трамвай ходил редко, но он всё равно не встал.

Он снова открыл акты. Может быть, он ошибся. Может быть, в кассовых ведомостях были не все. Может быть, люди с тяжёлыми травмами просто не успевали брать ссуды. Может быть, касса давала деньги только тем, кто работал в более безопасных цехах. Может быть, всё объяснялось должностью, стажем, возрастом, профессией.

Он проверил профессии. Токари, слесари, крановщики, электрики. Внутри одной профессии разница оставалась. Он проверил стаж. Внутри одной возрастной группы — тоже. Он нашёл две ошибки в картах: одному пострадавшему поставили не тот цех, другому — не тот исход. Исправил. Разница стала чуть меньше. Но не исчезла.

Он попробовал объяснить всё осторожностью. Может быть, касса давала деньги только дисциплинированным людям, а дисциплинированные люди реже попадают в аварии. Он проверил: у должников действительно было меньше нарушений техники безопасности. Но не настолько, чтобы объяснить разницу в тяжёлых травмах. Он посчитал, сколько тяжёлых было бы у должников, если бы у них была та же доля, что у остальных. Получилось семь. В актах стояло два.

Потом он проверил простои и брак. В цехах, где больше людей брали ссуду, было меньше брака. Тоже незначительно, но в ту же сторону. Словно касса выбирала не людей, а цеха. Или словно люди в этих цехах жили какой-то другой жизнью.

Он проверил ещё одно объяснение: может быть, люди с тяжёлыми травмами просто не успевали оформить ссуду. Эта мысль была неприятной, но он записал и её. В актах были даты

травм и даты выдачи ссуд. Он сравнил. Никакой закономерности не нашёл. Люди брали ссуды и до травм, и после. Но тяжёлых среди них всё равно было меньше.

Он вернулся к акту восемьдесят второго года. Десять дней. Подпись Гончарова. Если человек не утратил трудоспособность, зачем десять дней? В акте не было ответа. Только сухая формулировка и круглая печать.

В девяти подразделениях из десяти доля тяжёлых травм у должников была ниже. В одном — такая же. Илья не знал, как это называется в учебнике. Он знал только, что случай так не выглядит. Случай не умеет быть таким ровным.

Он посмотрел на часы. Половина первого. Он собрал листы, переписал последние цифры в тетрадь и побежал на трамвай.

Дома он лежал одетый, не включая свет. За стеной кто-то храпел. К двум часам ночи он понял, что не уснёт.

Утром он пришёл в ВЦ к открытию. Люба посмотрела на него и ничего не сказала. Мельников был у себя, разбирал бумаги. Илья постучал и вошёл.

— Виктор Петрович, — сказал он. — Я тут посчитал.

— Отчёт готов? — Мельников не поднял головы.

— Почти. Но я не про отчёт.

Он положил на стол лист. Мельников посмотрел на цифры. Потом на второй лист. Потом на Илью.

— Это что?

— Травматизм и касса. Я сравнил по фамилиям. У тех, кто брал ссуду, тяжёлых травм в три с половиной раза меньше. Внутри цехов тоже. Я проверил.

Мельников молчал. Он смотрел на лист так долго, что Илья начал слышать, как тикают часы на стене.

— Ты понимаешь, что ты сделал? — спросил, наконец, Мельников.

— Посчитал.

— Ты взял кассовые ведомости. — Голос у Мельникова стал тихим. — Ты взял фамилии людей. И сравнил их с актами.

— Вы же сами дали мне ведомости.

— Я дал тебе ведомости, чтобы ты их пробил. — Мельников произнёс «пробил» так, будто это было ругательство. — А не чтобы ты… — Он не договорил.

— Но это же статистика, — сказал Илья. — Это то, чем я здесь занимаюсь.

Мельников встал, подошёл к двери и закрыл её. Потом вернулся к столу.

— Статистика, — повторил он. — Ты знаешь, что такое статистика?

Илья не ответил.

— Статистика — это когда считают аварии. А когда считают людей, это уже не статистика. — Мельников взял лист и сложил его вдвое. — Это, — он потряс бумагой, — не в отчёт. И не в партком. И не в профком. Понял?

— Понял.

— Не понял. — Мельников посмотрел ему в глаза. — Ты не понял, потому что ты молодой. Ты думаешь, если цифра не сходится, надо её пересчитать. А тут иногда проще не считать.

Илья узнал эту фразу. Люба сказала ему то же самое неделю назад. Тогда она звучала как усталая шутка. Теперь — как предупреждение.

— А касса? — спросил он.

Мельников вздрогнул. Это было почти незаметно, но Илья увидел.

— Касса — не статистика, — сказал Мельников. — Касса — профком. Кац. Гончаров. Люди. И тебе туда не надо.

— Почему?

— Потому что тебе платят за отчёт. — Мельников положил лист в ящик стола и повернул ключ. — Двадцать пятого. Гладкий отчёт. Остальное — не твоё дело.

— А если в отчёте будет неправда?

— В отчёте будет сумма. — Мельников сел. — Сумма сойдётся. Остальное — не твоё дело.

— Кто ещё видел? — спросил он вдруг.

— Никто.

— Тетрадь.

— Дома.

Мельников посмотрел на него. Илья не отвёл взгляда. Он врал плохо, но Виктор Петрович почему-то не стал настаивать. Он отвернулся к окну. За стеклом шёл дождь, и заводской двор казался чужим.

— Я не знаю, что это, — сказал Мельников тише. — И ты не знай. Понял? Я тебя не для этого брал.

— А для чего?

— Для отчёта. — Мельников потёр лицо ладонью. — Мне сказали, что ты способный. Мне сказали, что тебе нужны деньги. Я дал тебе работу. Всё.

— Кто сказал?

— Неважно.

— Это связано с актом восемьдесят второго? — спросил Илья.

Мельников поднял глаза. В них не было удивления. Только усталость.

— Ты и туда добрался.

— Я его видел. Десять дней при «не утрачена».

— И что?

— Так не бывает.

— Бывает, — сказал Мельников. — Если комиссия так решила.

— Кто был в комиссии?

— Гончаров. — Мельников сказал это просто, без нажима. — И ещё двое. Одного уже нет на заводе. Второй — Кац.

Илья хотел спросить, где второй, но понял, что Мельников не ответит.

— Я не прошу тебя врать, — сказал Мельников. — Я прошу тебя не считать. В отчёте будет общая цифра. Она правильная. Остальное — не твоё дело.

Илья хотел спросить, почему Гончаров подписал акт. Но не спросил. Он и так знал, что ответа не будет.

— Иди, — сказал Мельников. — И не задерживайся сегодня. Тебе надо выспаться.

Илья вышел. В коридоре он прислонился к стене и закрыл глаза. Лист с цифрами остался в ящике. Но у него была тетрадь. В тетради были те же цифры, переписанные от руки.

Он вернулся в машинный зал. Люба посмотрела на него, но ничего не спросила. Он сел за стол, и весь день набивал карты. Цифры шли ровно, как солдаты. К шести он закончил смену и пошёл в общежитие.

Костя был дома. Он лежал на койке с магнитофоном на животе и слушал Высоцкого. На столе стояла початая бутылка лимонада и лежала бумажка с фиолетовым штампом.

— Ты чего такой? — спросил Костя, не поднимая головы.

— Устал.

— Все устали. — Костя сел. — Ты есть хочешь? У нас есть хлеб и килька.

— Не хочу.

Илья снял куртку и сел на свою койку. Бумажка на столе была заявлением в кассу. Он узнал бланк: «Прошу выдать ссуду…». Внизу стояла подпись Кости и круглая печать.

— Ты ещё платишь? — спросил Илья.

— Плачу. — Костя пожал плечами. — Осталось тридцать рублей.

— А проценты?

— Какие проценты? — Костя засмеялся. — Это касса взаимопомощи, старик. Не ростовщики. Люди помогают друг другу.

— Люди, — сказал Илья.

— Ну да. — Костя посмотрел на него внимательнее. — Ты чего, правда? Тебе Гончаров что-то сказал?

— Почему Гончаров?

— Он же у вас там главный по кадрам. — Костя пожал плечами. — И по кассе тоже. Он всех знает.

Костя выключил магнитофон и рассказал, как оформлял ссуду. В марте ему не хватило на куртку. Он написал заявление, нашёл поручителя — соседа с четвёртого курса, — и через неделю получил сто рублей. Касса выдавала деньги в профкоме, в сто восемнадцатой комнате. Он платил по десять рублей в месяц. Без процентов.

— А если не успеешь? — спросил Илья.

— Переоформляют. — Костя пожал плечами. — Мать брала двести на холодильник, потом два раза переоформляла. Ничего, выплатила.

— А если совсем не платить?

— Не знаю. — Костя посмотрел на него. — У нас таких нет.

Илья промолчал. Он думал о таблице. О двух тяжёлых травмах среди должников. О семи смертельных — среди остальных. О том, что цифры не сходились.

— Слушай, — сказал он. — Ты знаешь кого-нибудь, кто брал ссуду и потом… ну, попал в аварию?

Костя перестал улыбаться.

— Ты чего спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Не надо тебе интересоваться. — Костя лёг обратно. — Рита из соседней комнаты брала на пальто. Потом завалила коллоквиум. Но это же не касса. Это она сама.

— Рита?

— Рита. С третьего курса. — Костя повернулся к стене. — Не лезь, Илья. Тебе деньги нужны? Вот и работай. А в кассу не лезь.

Илья хотел сказать, что он уже влез. Но не сказал.

Он думал о Лене. Лекарства, анализы, поездки в институт — всё стоило денег. Мать откладывала с зарплаты, но к осени отложенное кончилось. Шестьдесят рублей в месяц были не роскошью. Они были разницей между «хватит» и «не хватит». Если он потеряет работу, Лена останется без лекарств. Если он промолчит, останется с деньгами. Выбор был простым. И именно поэтому Илья не мог его сделать.

Он спустился на первый этаж, к телефону-автомату. У аппарата стояла очередь из трёх человек. Илья дождался, бросил две копейки и набрал номер. Трубку взяла Лена.

— Привет, — сказал он. — Как ты?

— Нормально. — Она помолчала. — Мама на работе.

— Я знаю. Лекарства есть?

— Есть. Мама достала.

Он услышал, как она врёт. Она всегда так говорила, когда лекарств не было.

— Ты ешь? — спросил он.

— Ем.

— Лена.

— Что?

— Ничего. — Он посмотрел на часы. — Я скоро приеду.

— Ты обещал в прошлое воскресенье.

— Приеду.

Он положил трубку. Две копейки кончились. В коридоре пахло мокрыми пальто и хлоркой.

Ночью он не спал. Он лежал и смотрел в потолок. В общежитии кто-то храпел, за стеной играла музыка, в коридоре хлопали двери. Он думал о том, что завтра надо вернуться в ВЦ и найти старые ведомости. Не за пять лет. За все годы. Может быть, там было что-то ещё.

В среду он пришёл на завод к девяти. Машинное время начиналось в два, но он знал, что в предмашинном зале хранятся коробки со старыми распечатками. Люба открывала зал в девять. Он сказал, что забыл тетрадь.

В коридоре, у окна, стоял Гончаров. Он смотрел на заводской двор, где грузовик разворачивался у ворот. Услышав шаги, он обернулся.

— Рано, — сказал он.

— Забыл тетрадь, — сказал Илья.

Гончаров кивнул. Он не спросил, какую. Он смотрел на Илью так, будто уже знал ответ.

— Ты весь в отца, — сказал он. — Он тоже приходил раньше всех.

Илья не нашёлся, что ответить. Гончаров отвернулся к окну.

— Не засиживайся, — сказал он. — Тебе ещё учиться.

— Врёшь, — сказала Люба, но пропустила.

Предмашинный зал был длинным и пыльным. Вдоль стен стояли шкафы с магнитными лентами, а на полу — картонные коробки с бумагой. На коробках были написаны годы и названия отделов. Илья нашёл угол с надписью «Касса». Там стояли папки за 1977, 1978, 1979, 1980 годы — подлинники, с заявлениями, подписями и следами клея. Дальше шли ведомости текущего года.

Он начал с 1977-го. В папке лежали не только ведомости, но и заявления. На некоторых стояло карандашом: «отказано». Илья выписал три фамилии. Одну он помнил: Ковалёв из транспортного цеха. В акте за 1980 год у Ковалёва была тяжёлая травма. В кассовой ведомости против его фамилии стояло «отказано». Илья проверил ещё двух. Один — «отказано», другой — «переоформлено». Он не знал, что это значит. Но записал.

Бумага пахла пылью и старым клеем. Где-то в коридоре капала вода. Илья листал осторожно, чтобы не порвать хрупкие листы. Он чувствовал себя так, будто читает чужую переписку. В каком-то смысле так и было.

Он открыл 1979-й. Бумага была старая, с пятнами. Он листал быстро, стараясь не думать о том, что делает. Фамилии, суммы, даты. Ничего знакомого. Потом он увидел.

«Веретенников С. С. — 1 000 — …»

Дальше строка обрывалась. Бумага была не порвана; просто колонка с отметкой о погашении была заклеена полосой бумаги. Аккуратно, по линейке. Так, чтобы никто не прочитал.

Илья смотрел на фамилию. Веретенниковых на заводе было много. Но Сергей Сергеевич был один.

Тысяча рублей. Отец получал двести десять рублей в месяц. Даже если бы он не тратил ни копейки, ему понадобилось бы почти полгода. Илья не помнил, чтобы в доме появилось что-то на тысячу. Ни телевизор, ни мебель, ни пальто. Ничего.

Он достал тетрадь и переписал строку. Тысяча рублей. 1979 год. Потом посмотрел на заклеенную колонку. Под бумагой угадывались буквы. Он не стал отклеивать. Вместо этого он закрыл папку и поставил её на место.

В коридоре послышались шаги. Илья обернулся. В дверях стояла Люба.

— Ты чего тут? — спросила она.

— Искал старые ведомости, — сказал он. — Для отчёта.

Люба посмотрела на папку в коробке, потом на его лицо. В её взгляде было что-то, чего он раньше не видел. Не злость. Страх.

— Иди, — сказала она тихо. — И не трогай больше кассу. Пожалуйста.

Илья хотел спросить, что она знает. Но по её лицу понял, что она не ответит. Или ответит, но не то, что ему нужно.

Он кивнул. Он вышел из зала, и дверь за ним закрылась с мягким щелчком.

В машинном зале гудели вентиляторы. АЦПУ выдавало новую ленту. Илья сел за стол, открыл тетрадь и посмотрел на строку, переписанную от руки.

«Веретенников С. С. — 1 000 — …»

Он не знал, что это значит. Но он знал, что вернётся.

В конце смены он снова поднялся в предмашинный зал.

Люба закрывала журнал. Увидев его, она не удивилась — только посмотрела на часы.

— Я на минуту, — сказал он.

В углу с надписью «Касса» коробка стояла на месте. Папки за 1977, 1978 и 1980 годы лежали ровно, корешками наружу. Папки за 1979-й не было. На дне коробки остался светлый прямоугольник — пыль лежала вокруг, но на этом месте её не было.

— Люба.

— Ну.

— Папка за семьдесят девятый. Где она?

Люба подошла и посмотрела в коробку так, будто видела её впервые.

— В отделе кадров, — сказала она. — Сегодня брали.

— Кто?

— А ты как думаешь?

Она вернулась к столу и открыла журнал. Илья подошёл. Люба не стала закрывать страницу. Последняя запись была сделана круглым почерком: «19.09. Касса, 1979. Отдел кадров. Гончаров В. А. 11.40».

Он прочитал её дважды. В 11.40 он ещё был в вычислительном центре. Значит, папку взяли через два часа после того, как он её закрыл.

— Ты сказала ему, что я тут был?

— Нет.

— Тогда откуда он знал?

Люба посмотрела на него. В её лице не было ни страха, ни вины. Только усталость.

— Илья, — сказала она. — Здесь не институт. Здесь каждую бумажку считают. Ты взял папку, положил папку. Кто-нибудь видел. Или не видел. Какая разница? Если бумажка понадобилась, её возьмут.

— Но именно эту.

— Вот именно, — сказала Люба. — Иди домой.

Он вышел в коридор. За окном шёл дождь, тот же, что утром, только темнее. На проходной вахтёрша проверила пропуск и вернула его без улыбки.

В трамвае он достал тетрадь. Строка была на месте: «Веретенников С. С. — 1 000 — …». Он смотрел на неё до тех пор, пока буквы не поплыли.

Дома Костя спал, не сняв куртку. На столе лежала раскрытая тетрадь по сопромату и чашка с недопитым чаем. Илья сел на койку и посчитал: до отчёта — шесть дней. До получки — шесть. До понедельника — пять.

В кассе принимали по понедельникам. Так было написано на двери сто восемнадцатой комнаты — он видел объявление, когда ходил в профком за профсоюзным билетом. «Заявления на ссуду — понедельник, 16.00—18.00». Костя говорил, что деньги выдают через неделю, после решения правления.

Илья достал отцовские часы. Завёл их, поставил на семь минут вперёд и положил на стол. Секундная стрелка шла ровно. В комнате пахло мокрой тканью и килькой.

В понедельник он пойдёт в сто восемнадцатую комнату. Не за папкой. За ссудой. На лекарство.

Он закрыл тетрадь. Часы на столе шли на семь минут вперёд.

Глава 4. «Касса»

До получки оставался один день, а до закрытия аптеки — два часа. Илья сидел за перфоратором и набивал последнюю пачку карт, хотя отчёт был готов ещё утром. Он перепроверял. Так было спокойнее.

В кармане лежало три рубля двадцать копеек. В другом кармане — рецепт на дигоксин, сложенный вчетверо. В аптеке на углу сказали: будет в понедельник, до шести. Одна упаковка, восемь рублей. Если не прийти до шести, разберут.

Стипендию он получил десятого. Сорок пять рублей разошлись быстро: еда, трамвай, лекарство в прошлый раз, матери на хозяйство. Осталось три двадцать. Заводские шестьдесят должны были выдать завтра. Он считал и пересчитывал, но сумма не менялась. Восемь рублей нужно было сегодня.

В машинном зале гудели вентиляторы. Люба складывала ленту гармошкой, и бумага шипела, как дождь по жести. Мельников ходил между столами с папкой и повторял:

— Двадцать пятого. Проверка в октябре. Двадцать пятого.

Илья знал: отчёт должен лежать у него на столе завтра утром. Отчёт был готов. Но Мельникову он об этом не говорил. Пусть думает, что Илья ещё работает.

Он отложил последнюю карту и поднялся.

— Виктор Петрович.

Мельников обернулся. Очки блеснули.

— Что?

— Мне нужно на час отлучиться.

— Куда?

— В профком. В кассу.

Мельников не сразу ответил. Он посмотрел на Илью, потом на часы, потом снова на Илью.

— За ссудой?

— Да.

— Сколько?

— Тридцать.

Мельников положил папку на стол. Пальцы у него были в мелу.

— Тебе не хватает тридцати?

— Мне не хватает восьми. На лекарство. Остальное — матери.

— Понятно. — Мельников сказал это так, будто ему было совсем не понятно. — У меня есть десятка. Возьми.

— Спасибо. Мне тридцать.

— Тридцать я не дам. — Он помолчал. — И в кассу не ходи.

— Надо.

— Тогда иди. — Мельников отвернулся. — К шести вернись. Отчёт.

Илья уже взялся за дверь, когда Мельников добавил, не глядя:

— И читай, что подписываешь. Там не институт.

Илья вышел в коридор. За окном шёл дождь, мелкий, осенний, и по стеклу ползли капли. Пальто у него было старое, рукава коротки; он сунул руки в карманы и пошёл по коридору, считая плитки. Двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть. На тридцатой он остановился. Дальше начинался переход в административный корпус.

В коридоре профкома пахло мокрой шерстью и варёной капустой. У двери сто восемнадцатой комнаты на скамейке сидели пятеро. На двери висела табличка: «Профком. Касса вза-

имопомощи. Приём заявлений — понедельник, 16.00—18.00». Бумажка была приклеена на три кнопки — четвёртая отсутствовала, и уголок таблички загибался.

Илья посмотрел на часы. Без пяти четыре. Он встал в конец очереди.

Впереди стояла женщина в пуховом платке, с папкой из кожзаменителя. За ней — парень в спецовке, с забинтованной рукой. Дальше — пожилой мужчина в пиджаке, потом женщина с детским пальто на руке, потом ещё один мужчина, в кепке. Все молчали. Только женщина в платке сказала:

— Опять не принимают.

— В четыре откроют, — сказал парень с рукой.

— Всегда так, — сказал мужчина в пиджаке. — Пока бумажки не разложат.

В четыре дверь открылась. На пороге стояла женщина лет пятидесяти, в синем кардигане, с высокой причёской и очками на цепочке. В руке она держала ручку.

— Заходите по одному, — сказала она. — Не все сразу.

Очередь двинулась. Илья вошёл последним.

Комната была небольшая, но светлая. У окна стоял стол, за ним сидела та же женщина. Слева — ещё один стол, поменьше, за которым сидел круглый лысый мужчина в поношенном пиджаке. Перед ним лежала стопка бумаг и стоял стакан с чаем. На стене висел портрет Ленина, а под ним — плакат: «Берегите народное добро». На подоконнике стоял электрический чайник, рядом — пачка печенья, блюдце с нарезанным лимоном и счёты. В комнате пахло чернилами, бумагой и чаем.

На столе у женщины лежала толстая книга в чёрном клеёнчатом переплёте. Углы переплёта были обтёрты, страницы пожелтели. По краю страниц шли закладки из бумаги. Женщина открыла книгу, и Илья увидел ровные колонки: дата, фамилия, сумма, срок, отметка.

— Зоя Павловна, — сказал лысый мужчина, не поднимая головы. — Начнём.

— Начнём, Борис Ефимович, — сказала женщина.

Значит, это был Кац. Председатель профкома. Илья узнал его по фотографии на стенде.

Женщина в платке подошла первой. Она положила на стол папку, раскрыла её и достала бумагу с печатью.

— Муж умер, — сказала она. — Восьмого. Вот свидетельство. Прошу материальную помощь.

Зоя Павловна взяла бумагу, прочитала. Кац поднял голову, посмотрел на женщину, потом на Зою Павловну.

— Сколько? — спросил он.

— Сколько правление решит, — сказала женщина. — На похороны не хватает. Тридцать рублей.

Зоя Павловна записала в книгу. Кац кивнул.

— В среду приходите. Правление собирается в среду.

— А раньше нельзя?

— В среду, — сказала Зоя Павловна. — Раньше правления нет.

Женщина собрала бумаги и вышла. У неё были мокрые ботинки, и на полу остались тёмные следы.

Следующим был парень с забинтованной рукой. Он положил на стол заявление. Зоя Павловна проверила его профсоюзный билет, нашла фамилию в книге.

— Тридцать?

— Тридцать.

— Поручитель?

— Смирнов.

Зоя Павловна перевернула страницу, нашла Смирнова, кивнула. Парень подписал бумагу. Она отсчитала три десятирублёвки из металлической коробки, лежавшей у неё под рукой, и подтолкнула к нему.

— Спасибо, — сказал парень. — До получки.

— До получки, — сказала Зоя Павловна.

Он сунул деньги в карман и пошёл к двери. Увидев Илью, подмигнул:

— Бери, не думай. Все берут.

— А если не отдам? — спросил Илья.

Парень засмеялся.

— Переоформят.

И вышел.

Следующим был пожилой мужчина в пиджаке. Он просил двести рублей на холодильник. Зоя Павловна спросила про поручителя, мужчина назвал фамилию, она нашла её в книге и записала. Кац подписал заявление, не читая. Мужчина ушёл, унося бумажку с решением.

Очередь двигалась медленно, но без скандалов. Люди знали порядок. Зоя Павловна задавала одни и те же вопросы, Кац подписывал, чайник на подоконнике потихоньку закипал. Илья смотрел на книгу и думал о том, что в ней, наверное, записано всё: кто взял, сколько, когда вернул, кто не вернул. Он подумал о Любе, которая сказала: «Не трогай больше кассу. Пожалуйста». Тогда её слова показались ему страхом. Теперь он видел обычную контору и не понимал, чего она боялась.

Когда подошла его очередь, Зоя Павловна подняла голову.

— Вы по какому вопросу?

— Заявление на ссуду.

Она достала из ящика бланк и положила перед ним.

— Пишите. Фамилия, должность, сумма, срок, поручитель. Без поручителя не принимаем.

Илья взял ручку. Ручка была дешёвая, с треснувшим колпачком, но писала хорошо. Он вывел: «Веретенников Илья Сергеевич, лаборант вычислительного центра, ссуда тридцать рублей, срок — до получки». В графе «поручитель» он остановился. Оставил пусто.

Зоя Павловна прочитала заявление.

— С сентября?

— С десятого.

— В профсоюзе с сентября?

— Да.

— Молодой. — Она посмотрела на него поверх очков. — Поручитель?

— У меня нет.

— Тогда не могу. — Она пододвинула заявление обратно. — Нужен член профсоюза с зарплатой. Студент не подойдёт.

Илья посмотрел на пустую графу. Он мог бы попросить Мельникова. Но Мельников сам боялся кассы. Он мог бы попросить кого-то из вычислительного центра. Но он никого не знал достаточно хорошо. Он мог бы попросить Костю, но Костя был студентом, брал сотню и сам остался должен кассе тридцать рублей.

— Я могу подождать, — сказал он.

— Чего? — спросила Зоя Павловна.

— Пока не будет поручителя.

— Ждите. — Она пожала плечами. — Только очередь не задерживайте.

Илья знал: короткую ссуду до получки выдают сразу, если есть поручитель. Но поручителя не было. Долгую, как у Кости, рассматривали неделю.

Илья взял заявление и отступил. За ним стоял мужчина в кепке. Илья посмотрел на часы: десять минут пятого. Аптека закрывалась в шесть. Он представил, как очередь расходится, как Зоя Павловна закрывает книгу, как он остаётся с рецептом и тремя рублями. Восемь рублей. Всего восемь. Он мог бы попросить у матери, но у матери не было. Он мог бы занять у Кости, но Костя сам должен. Он мог бы…

— Веретенников?

Голос был низкий, спокойный. Илья обернулся.

В дверях задней комнаты стоял Гончаров. На нём был серый костюм и плохой галстук. В руке — папка. Он смотрел на Илью и улыбался, и от улыбки на мгновение открывалась золотая коронка.

— Илюша, — сказал он. — Ты чего здесь?

— За ссудой, — сказал Илья.

— За ссудой. — Гончаров посмотрел на Зою Павловну. — Что у него?

— Поручителя нет, — сказала Зоя Павловна.

Гончаров подошёл, взял заявление. Прочитал. Потом посмотрел на Илью.

— Тридцать рублей. На что?

— На лекарство.

— Кому?

— Сестре.

— Лене?

Илья кивнул.

Гончаров помолчал. Улыбка ушла, но лицо не стало злым. Оно стало другим — будто он вспоминал что-то, чего не хотел вспоминать.

— Как она?

— Кашляет. Врачи говорят, надо наблюдаться.

— Плохо. — Он вернул заявление Зое Павловне. — Пойдём, поговорим.

— У меня очередь, — сказал Илья.

— Пять минут. — Гончаров положил руку ему на плечо. — Я не задерживаю.

Ладонь была тяжёлой и тёплой. Илья почувствовал, как очередь смотрит ему в спину. Кац что-то сказал, но Гончаров не обернулся.

— Борис Ефимович, я на минуту. Продолжайте.

Он открыл дверь в заднюю комнату и пропустил Илью вперёд.

Комната была ещё меньше, но обжитая. Стол, сейф, шкаф с папками, окно во двор. На столе лежали бумаги, стояла чернильница, и чашка с чаем. В чашке плавал ломтик лимона. На стене висел календарь; двадцать четвёртое сентября было обведено красным карандашом.

Гончаров закрыл дверь и сел за стол. Илья остался стоять.

— Садись, — сказал Гончаров.

Илья сел на край стула.

— Значит, тридцать рублей. — Гончаров откинулся на спинку. — Завтра получка. Шестьдесят. Тридцать отдашь, тридцать останется. На месяц. Матери, Лене, тебе. Не много.

— Хватит.

— Ты считал?

— Считал.

Гончаров усмехнулся.

— Весь в отца.

Он достал из ящика три десятирублёвки и положил на стол. Бумажки были новыми, хрустящими.

— Вот. Бери. Без процентов, без срока. Отдашь, когда сможешь.

Илья посмотрел на деньги. Три бумажки. Восемь рублей — лекарство. Остальное — хлеб, трамвай, матери. Он протянул руку. Потом остановился.

— Это не ссуда.

— Это помощь. Профком помогает. Я помогаю.

— Я не за помощью. Я за ссудой.

— Какая разница?

— Есть. — Илья сказал это тише, чем хотел. — Ссуду я верну. А это… Я не знаю, как возвращать.

Гончаров смотрел на него долго. За окном по стеклу ползла капля, оставляя мокрый след.

— Твой отец тоже сначала отказывался, — сказал он.

— От чего?

— От помощи. Он говорил: я сам. — Гончаров помолчал. — А потом согласился.

— На что?

— На жизнь, сынок. На жизнь.

В комнате стало тихо. Илья слышал, как в коридоре кто-то кашляет, как тикают часы на стене, как за окном шумит дождь.

— Вы были на похоронах? — спросил он.

Гончаров не удивился.

— Был.

— Я вас не помню.

— Я стоял у ворот. Не подошёл.

— Почему?

— Не знал, что сказать. — Гончаров посмотрел на чашку. — Я до сих пор не знаю.

Он взял чашку, отпил, поставил обратно. Лимон качнулся в воде.

— Ты в пальто, — сказал он вдруг. — Холодно?

— Нормально.

— Тебе нельзя простужаться.

— Почему?

— Сердце. Я помню, как тебя оперировали.

Илья замер.

— Откуда вы знаете?

— Я кадровик, Илюша. Я всё про всех знаю. — Гончаров улыбнулся, но глаза остались серьёзными. — И про тебя, и про Лену.

— И про Лену?

— И про Лену. — Он помолчал. — Не бойся. Я не врач. Я просто помню.

Илья не знал, что на это сказать. Он думал о матери. О том, как она говорила: «Мы в долгу». О том, как запрещала спрашивать. О том, как отказывалась от повышений. Тогда это казалось горем. Теперь это был счёт.

— Вы забрали папку, — сказал он. — Из предмашинного зала.

Гончаров не удивился и этому.

— Забрал.

— Почему?

— Потому что там моя подпись. — Он поставил чашку. — И потому что тебе рано читать такие бумаги.

— Там запись отца.

— Там много записей.

— Он не брал ссуду, — сказал Илья. — Я проверил. В ведомостях он не значится. Только эта строка.

— Все брали. — Гончаров сказал это спокойно, как человек, который знает цифры лучше собеседника.

— Он не брал.

— Тогда откуда ты знаешь про тысячу?

Илья не ответил.

— Вот и я говорю: не всё так просто. — Гончаров пододвинул деньги ближе. — Ты пришёл за деньгами. Давай о деньгах.

Илья посмотрел на три бумажки. Потом на Гончарова.

— Я возьму ссуду. По уставу.

— По уставу тебе не дадут. У тебя нет поручителя. И стажа нет.

— Тогда я подожду.

— Чего? — Гончаров сказал это тихо, почти ласково. — Пока Лена закашляется до конца?

Илья вздрогнул. Слова были простые и страшные, потому что он сам думал о том же.

— Я не хочу вас обидеть, — сказал Гончаров. — Я хочу, чтобы ты понял: иногда помощь — это не унижение. Это просто помощь.

— Я не могу, — сказал Илья. — Я не знаю, чем буду платить.

— Ничем. — Гончаров развёл руками. — Это ссуда. Вернёшь — и всё.

— А если не верну?

— Тогда я заплачу. Так устроено.

Илья посмотрел на него.

— Почему вы хотите мне помочь?

— Потому что ты сын Сергея. — Гончаров помолчал. — И потому что я перед ним должен.

— Что?

— Разное. — Он взял заявление. — Я подпишу как поручитель. Это по уставу. Председатель имеет право.

— Это неправильно.

— Это формальность. Ты вернёшь — я вычеркну.

Илья хотел сказать, что не хочет, чтобы его вычёркивали чужие руки. Но деньги лежали на столе, а в кармане лежал рецепт. Он подумал о Лене: о её ледяных пальцах, о кашле за стеной, о том, как она говорила, что лекарства есть, когда их не было.

— Хорошо, — сказал он.

Гончаров кивнул, будто другого ответа не ждал.

— Зоя Павловна! — позвал он.

Дверь открылась. Зоя Павловна вошла с книгой и бланком.

— Оформи ему ссуду. Тридцать рублей, краткосрочную. Поручитель — я.

Зоя Павловна посмотрела на Гончарова, потом на Илью.

— Виктор Аркадьевич, по уставу…

— По уставу председатель имеет право. — Гончаров взял ручку. — Пиши.

— Надо решение правления.

— Правление — это я и Кац. Кац подпишет.

— А если не подпишет? — спросил Илья.

Гончаров улыбнулся.

— Подпишет. Он хороший человек. Не любит скандалов.

Зоя Павловна села за стол. Открыла книгу. Илья увидел страницы, исписанные разными чернилами: синими, чёрными, коричневыми. Где-то стояли галочки, где-то — круглые штампы. Книга была старая, но листы в ней были ровные, как в бухгалтерской ведомости.

Зоя Павловна нашла свободную строку и вывела:

«24.09.84. Веретенников И. С. — 30 — краткосрочная — поручитель Гончаров В. А.»

Она передала Илье бланк.

— Читайте и подписывайте.

Илья прочитал. «Обязуюсь погасить ссуду в установленный срок. При просрочке — пеня в размере…» Дальше шёл мелкий шрифт.

— Какая пеня? — спросил он.

— Обычная, — сказала Зоя Павловна.

— Не читай мелкий шрифт, — сказал Гончаров. — Он для юристов.

Илья дочитал. Пеня была за каждый день просрочки. Он подписал.

Гончаров подписал как поручитель. Его подпись была крупной, с завитком.

Зоя Павловна отсчитала три десятирублёвки из металлической коробки. Илья взял их. Деньги были прохладными и пахли металлом.

— Завтра получка, — сказал Гончаров. — Не забудь.

— Не забуду.

— И если не сможешь — не бегай. Приходи. Переоформим.

— Я смогу.

— Все так говорят. — Гончаров улыбнулся. — Твой отец тоже так говорил.

Зоя Павловна взяла книгу, чтобы унести, но задержалась: нужно было вложить квитанцию. Книга осталась открытой на пожелтевшей странице. Илья стоял у стола и видел ровные колонки, старые записи, выцветшие чернила.

И вдруг увидел фамилию.

Это была не та папка, что исчезла из предмашинного зала. Это был главный гроссбух кассы.

«Веретенников С. С. — 1 000 — …»

Строка была написана коричневыми чернилами, крупным, старомодным почерком. В графе «погашено» было пусто.

Илья шагнул ближе.

— Это он.

Гончаров поднял голову.

— Что?

— Это мой отец. — Илья показал на строку. — Она не закрыта.

Гончаров посмотрел на книгу. Потом на Зою Павловну. Потом снова на Илью.

— Это старая запись, — сказал он.

— Там пусто.

— Тебе показалось.

Он протянул руку и закрыл книгу. Клеёнчатый переплёт хлопнул негромко, как дверца шкатулки.

— Всё, Илюша. Ссуда оформлена. Иди.

Илья не двинулся.

— Сколько он взял?

— Ты видел.

— Тысячу?

Гончаров не ответил.

— На что?

— На разное. — Гончаров встал. — Ты пришёл за деньгами. Ты их получил. Остальное — не твоё дело.

— Это мой отец.

— Это старая бумага. — Гончаров подошёл к двери и открыл её. — Иди. Тебе ещё отчёт сдавать.

Илья вышел в коридор. Очередь посмотрела на него. Женщина в платке всё ещё сидела на скамейке, хотя её уже приняли; она ждала среду. Парень с забинтованной рукой ушёл. Мужчина в кепке стоял у двери и курил в форточку.

Илья прошёл мимо них, держа деньги в кармане. Тридцать рублей. Он посчитал их на лестнице: одна, две, три. Всё сходилось.

На улице дождь кончился. Было сыро и холодно. Илья посмотрел на часы: без десяти шесть. Аптека закрывалась через десять минут. Он побежал.

В аптеке пахло валерианкой и мокрым деревом. За прилавком стояла женщина в белом халате и считала коробки. Илья положил на прилавок рецепт.

— Дигоксин есть?

Женщина посмотрела на рецепт, потом на полку.

— Одна осталась, — сказала она. — Восемь рублей.

Илья достал деньги. Отсчитал восемь. Женщина завернула коробку в бумагу и отдала ему.

— Храните в темноте, — сказала она. — И не больше одной таблетки в день.

— Спасибо.

Он вышел на улицу и сунул коробку во внутренний карман. Бумага шуршала. Он постоял минуту, слушая, как где-то за углом звенит трамвай. Потом достал из кармана квитанцию из кассы. Тонкая бумажка, отпечатанная на машинке: «Веретенников И. С. Ссуда 30 руб.». Внизу — подпись Гончарова.

Илья сложил квитанцию вдвое и убрал обратно. Тридцать рублей. Восемь — лекарство. Двадцать два остались. Он посчитал ещё раз. Всё сходилось.

Только в гроссбухе, в комнате 118, на пожелтевшей странице оставалась другая строка: «Веретенников С. С. — 1 000 — …». И сколько бы он ни считал, она не закрывалась.

Он пошёл к трамваю. Завтра получка. Завтра он вернёт тридцать рублей. А потом придёт снова и попросит показать ему книгу.

Глава 5. «Кровь и халат»

В семь сорок Вера вошла в раздевалку, сняла мокрый плащ и повесила его на батарею. Плащ пах дождём и трамваем. В шкафчике лежали чистое полотенце, коробка валидола и конверт. Конверт она не трогала.

Отец умер в конце ноября, когда ей было шестнадцать. Мать тогда сказала, что он оставил письмо. Вера не поверила. Потом, весной, мать принесла коробку с его вещами: стетоскоп, записную книжку, очки в футляре и этот конверт. На нём было написано: «Вере. Лично». Вера положила конверт в шкафчик и с тех пор не открывала. Иногда она перекладывала его с места на место, будто проверяла, что он ещё там.

Она надела белый халат. Халат был велик в плечах, рукава закрывали кисти. Она подогнула рукава и заколола косу на затылке. Здесь пахло хлоркой, мокрой шерстью и чьими-то духами. Вера посмотрела на часы: стекло треснуло ещё в прошлом году, но часы шли. Было без пяти восемь.

В приёмном покое уже стояла очередь. Женщина в мокром пальто держала за руку ребёнка с температурой. Старик на скамейке пристроил рядом костыль. Парень лет восемнадцати держал банку с анализом и смотрел в неё, как в аквариум. Батареи были холодные. Окна запотели. Вера прошла мимо очереди к столу.

— Круглова? — спросила она. — Елена, четырнадцать лет. На десять.

Регистраторша Зинаида нашла карту.

— Кардиология. Второй этаж. Только у них сейчас комиссия.

— Какая комиссия?

— Значит, ждите.

Вера взяла карту. У лестницы она услышала мужской голос:

— На десять записаны. Почему очередь?

Она обернулась. У стола стоял молодой человек в тонком пальто. В одной руке он держал папку, в другой — блокнот. Рядом с ним — девочка в школьном пальто и тёплом шарфе. Бледная, с тёмными косами и упрямым подбородком. Она смотрела на молодого человека так, как смотрят на родственника, который повторяет один и тот же разговор десятый раз.

— Илья, — сказала девочка. — Хватит.

Он не услышал.

— Талон есть. Почему нас не пускают?

Зинаида не подняла головы.

— Молодой человек, очередь.

Вера вернулась.

— Круглова?

Молодой человек обернулся. У него было усталое лицо и слишком внимательные глаза.

— Да. Это я. То есть она. Елена.

— Я медсестра. Пойдёмте.

Девочка встала. Молодой человек взял её пальто.

— Я с вами.

— В кабинет — только пациентка.

— Я её брат.

— Я поняла. Ждите здесь.

— Но…

— Илья, — сказала девочка. — Я не маленькая.

Она сказала это без злости. Молодой человек закрыл рот. Вера увидела его руки: длинные пальцы, узкое запястье, часы с поцарапанным стеклом. Он смотрел на девочку так, будто она была окном, которое может распахнуться от ветра.

Они поднялись на второй этаж. В коридоре было тише, стены выкрашены зелёной краской, пол блестел. Пахло кипячёным бельём и чем-то сладким, валерьянкой. У кабинета на трёх стульях сидели женщина с мальчиком и пожилой мужчина с палкой. Илья усадил Лену у стены, подальше от сквозняка, и раскрыл блокнот.

— Что это? — спросила Вера.

— Дневник, — сказал он. — Пульс, одышка, вес.

— Вы измеряете вес?

— Каждое утро. Чтобы не пропустить отёки.

Вера заглянула в блокнот. Страницы были расчерчены на колонки. Дата, пульс, давление, вес, кашель ночью, одышка при ходьбе. В графе «отёки» стояли плюсы и минусы. Он вёл учёт, как в бухгалтерии. Аккуратно, синей ручкой, без помарок.

— Кто вам это сказал? — спросила Вера.

— Никто. Я прочитал.

— Где?

— В больнице. В библиотеке.

Лена закатила глаза.

— Он везде читает. Даже в трамвае.

— Это помогает, — сказал Илья.

— Кому? — спросила Вера.

Он посмотрел на неё, но не ответил.

Лена присела на стул и вытянула ногу. Шнурок на ботинке развязался. Илья опустился на корточки и стал завязывать. Лена оттолкнула его руку.

— Я сама.

— Молчи.

Он завязал бант, поправил штанину, проверил, не жмёт ли. Лена вздохнула с видом человека, который давно смирился. Вера увидела, как он держит её щиколотку — слишком бережно для человека, который только что кричал на регистратуру.

— Илья, — сказала Лена. — Здесь люди.

— Пусть смотрят.

Вера отвернулась. Женщина с мальчиком читала ему книжку. Мальчик считал ворон за окном.

Дверь кабинета открылась. Ирина Павловна стояла у окна с папиросой. Она погасила её в жестянку.

— Круглова? — сказала она. — Садись. Рассказывай.

Лена села на край кушетки. Вера сняла с неё пальто, повесила на стул, размотала шарф. Запястья у девочки были тонкие, пальцы холодные. Ногти слегка синели.

— Как дышишь? — спросила Ирина Павловна.

— Нормально.

— Нормально — это сколько? На лестнице? Ночью?

— На лестнице тяжело. Ночью иногда кашляю.

— Иногда — это сколько раз?

— Два. Может, три.

— Понятно. Ложись.

Вера помогла Лене лечь. Надела манжету, накачала воздух, посмотрела на ртутный столбик. Сто пять на семьдесят. Пульс девяносто шесть. Она записала цифры в карту. Ирина Павловна послушала сердце, потом лёгкие, потом снова сердце. Лицо у неё не изменилось.

— Сядь, — сказала она. — Дыши глубоко. Не дыши. Задержи.

Лена выполняла. Вера смотрела на её рёбра, на маленькие движения горла. Девочка старалась не кашлять.

— Хорошо, — сказала Ирина Павловна. — Одевайся.

— Что со мной? — спросила Лена.

— То же, что было. Только громче.

— Это плохо?

— Это значит, что пора решать.

Лена посмотрела на Веру, будто Вера могла ответить. Вера промолчала. Врач села за стол и начала писать.

Дверь открылась. Молодой человек стоял на пороге. Он всё-таки нашёл кабинет.

— Извините, — сказал он. — Я только спросить.

— Вы не в кабинете, — сказала Ирина Павловна, не оборачиваясь. — Выйдите.

— Я хочу знать, что с сестрой.

— Я скажу. В коридоре.

Он не двинулся.

— Когда операция?

Ирина Павловна положила ручку.

— Молодой человек. Вы читать умеете?

— Умею.

— Тогда прочитайте, что написано на двери. «Приём ведёт врач». Не вы.

— Я не…

— Илья, — сказала Лена. — Выйди. Пожалуйста.

Он отступил. Дверь закрылась. Вера слышала, как он отошёл на несколько шагов и остановился. Тень под дверью осталась.

Ирина Павловна посмотрела на Веру.

— Родственники.

— Да, — сказала Вера.

— Все хотят знать. Никто не хочет ждать.

Она дописала и протянула Вере карту.

— ЭКГ, рентген. Потом ко мне. И скажи ему, чтобы не кричал на регистратуру.

Вера отвела Лену в кабинет ЭКГ. Девочка молчала. В коридоре она сказала:

— Он не всегда такой.

— Я не сужу.

— Он боится.

— А вы?

Лена пожала плечами.

— Я привыкла.

Это был ответ человека, который вовсе не привык. Вера не стала настаивать.

Кабинет ЭКГ был на первом этаже, рядом с приёмным покоем. Техник, худая женщина с холодными руками, наложила электроды на грудь и щиколотки Лены. Аппарат загудел. Бумажная лента поползла наружу, тонкая и синяя. Лена смотрела в потолок.

— Мама знает, что вы здесь? — спросила Вера.

— Она на смене. Илья отпросился.

— А школа?

— Освобождение есть. — Лена улыбнулась. — Я официально больная.

— Не шути так.

— А что, нельзя?

— Можно. Но не надо.

Лена посмотрела на неё.

— Вы тоже так говорите, как он.

— Как он?

— Как будто всё можно посчитать.

Вера не ответила. Лента остановилась. Вера оторвала её и посмотрела на линию. Она была не врач, но знала достаточно, чтобы увидеть: линия была неровной.

Они пошли в рентгеновский кабинет. Старый аппарат стоял в темноте, с белым экраном и запахом озона. Лена встала за экран, сняла кофту, подняла косы. Вера держала её холодные руки.

— Не дыши, — сказала техник.

Аппарат зажужжал. На секунду рёбра Лены стали белыми. Потом свет погас.

— Всё, — сказала техник. — Одевайтесь.

Лена одевалась медленно.

— Вера.

— Да?

— А вы, правда, хотите быть хирургом?

— Правда.

— Почему?

Вера подумала.

— Потому что там видно, что делать.

— А если не видно?

— Тогда плохо.

Лена засмеялась, потом закашлялась.

— Вы странная.

— Спасибо.

Они вернулись к Ирине Павловне. Врач посмотрела ЭКГ, потом рентген. Разложила бумаги на столе.

— Так, — сказала она. — Сердце работает с перегрузкой. Похоже, пора на катетеризацию. Я напишу направление в Москву, в институт. Но очередь.

— Какая очередь? — спросил Илья. Он стоял в коридоре, держа дверь приоткрытой. Он слушал.

— Длинная, — сказала Ирина Павловна. — Месяцы. Может, больше.

— Сколько именно?

— Я не распределяю квоты. Я пишу направление.

— А кто распределяет?

— Облздрав.

Илья записал в блокнот. Ручка нажимала сильно, бумага прогибалась.

— А пока?

— Пока дигоксин. Покой. Не бегать. Не простужаться. Прийти через две недели.

— Это всё?

— Это всё, что я могу.

Он посмотрел на Лену. Девочка сидела на кушетке, руки на коленях. Она была очень тихой.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

Он сказал это без тепла, как закрывают дверь. Ирина Павловна посмотрела на него.

— Вы, — сказала она, — подождите за дверью. Мне нужно с ней поговорить.

Он вышел. На этот раз дверь щёлкнула.

Ирина Павловна повернулась к Лене.

— Ты понимаешь, что это серьёзно?

— Понимаю.

— Тогда не геройствуй. Если станет хуже — сразу сюда. Не жди, пока брат достанет деньги.

Лена кивнула.

— И вот ещё что. — Врач посмотрела на Веру. — Ты Андрея Ильича дочь?

— Да.

— Хороший был врач. — Она сказала это просто, без похвалы. — Он бы знал, что с ней делать.

Вера хотела сказать, что он не знал, что делать с собой. Не сказала.

Она помнила не похороны, а запах его пальто в прихожей: табак, валерьянка и снег. Мать не разрешила ей войти в комнату, где он лежал. Вера стояла в коридоре и считала шаги взрослых. С тех пор она не любила коридоры.

Они вышли. Илья ждал у окна. Пальто он снял и сложил на руке; рубашка под ним была мятой. Он посмотрел на Лену, потом на Веру.

— Ей можно домой?

— Да, — сказала Вера. — Но не на трамвае в час пик. И не по лестнице.

— Мы на трамвае.

— Тогда не в час пик.

Он кивнул. Лена взяла его под руку.

— Пойдём. Я есть хочу.

— Сначала лекарство.

— Я приняла.

— Я проверю.

— Илья.

Они пошли к лестнице. Вера смотрела им вслед. На площадке молодой человек остановился и обернулся.

— Спасибо, — сказал он. Впервые за всё утро он сказал это ей.

— Не за что.

Они спустились.

Через полчаса Вера увидела их внизу. Лена сидела на скамейке у регистратуры, бледная, и держалась за живот. Илья стоял рядом с мокрым полотенцем.

— Её укачивает, — сказал он.

Вера проводила их в свободную палату на первом этаже, дала воды и сказала полежать. Лена уснула. Илья остался у двери.

Вера вернулась в процедурную. В одиннадцать двадцать из приёмного покоя донёсся крик.

Она услышала, как хлопнули двери, как женский голос сказал что-то резкое, как тяжёлые шаги протащили по линолеуму. Вера вышла в коридор.

Двое мужчин держали третьего. Третий был в ватной куртке, расстёгнутой на груди. Левый рукав потемнел от крови. Кровь пропитала полотенце, которым была обмотана рука, и капала на пол. Лицо мужчины было серым.

— Сестра! — крикнул один из мужчин. — Он кровью истечёт!

— На кушетку, — сказала Вера. — Быстро.

Они дотащили его до смотровой кушетки. Вера схватила с полки стерильный пакет, разорвала, прижала марлю к ране. Кровь была яркая и шла толчками.

— Жгут, — сказала она. — Дай жгут.

Молодая медсестра Галя стояла в дверях с круглыми глазами.

— Жгут! — повторила Вера. — Не рядом с раной. Выше. Быстро.

Галя убежала. Вера продолжала давить. Мужчина застонал.

— Как вас зовут? — спросила Вера.

— Алексей, — сказал он. — Алексей Петрович.

— Алексей Петрович, смотрите на меня. Не закрывайте глаза.

— Я не закрываю.

— Смотрите на меня. Говорите. Что случилось?

— Стекло, — сказал он. — Дверь… дверь захлопнулась.

— Он стекло вставлял, — сказал мужчина, который его привёл. — В дверь. Ветер. Дверь хлопнула, рука в стекло.

Вера не посмотрела на него.

— Отойдите. Не мешайте.

Галя вернулась со жгутом. Вера наложила его на верхнюю треть плеча, затянула, проверила пульс. Кровотечение замедлилось. Она записала время на бумажке и приколола бумажку к куртке мужчины.

— Галя, вызови хирурга. Скажи: артериальное, кровопотеря.

Галя убежала. Вера продолжала давить.

— Одиннадцать двадцать три, — сказала она. — Алексей Петрович, пальцы чувствуете?

— Плохо.

— Это ничего. Это пройдёт.

Она не знала, пройдёт ли. Она подняла его ноги на подушку. Губы у него были серые. Вера приложила пальцы к запястью. Пульс был частый и слабый.

— Когда последний раз ел? — спросила она.

— Утром. Кашу.

— Аллергия на лекарства?

— Не знаю. Не было вроде.

— Прививка от столбняка?

— Делали, — сказал сосед. — На работе, в прошлом году.

Вера кивнула. Она наложила манжету на здоровую руку, накачала. Восемьдесят на пятьдесят. Проверила зрачки. Одинаковые, вялые.

— Алексей Петрович, у вас есть кто-нибудь дома?

— Дочь. Оля. Ей десять.

— Оля ждёт вас дома. Значит, держитесь. Слышите?

— Слышу.

Он попытался улыбнуться. Получилось плохо.

Вера посмотрела на его руку. Пальцы были бледные, как бумага. Она проверила, не перетянут ли жгут, и ослабила на одно деление. Кровь пошла сильнее, но пульс на запястье стал лучше.

— Так, — сказала она. — Ещё немного.

Она не знала, сколько прошло времени. В коридоре кто-то плакал.

Вера подняла голову. В дверях стоял Илья. Лицо у него было белое. Он прижимал к груди пальто Лены и держался за дверную раму. Пальцы побелели.

— Что вы здесь делаете? — спросила Вера.

— Я… — Он посмотрел на кровь, на полу. — Я услышал.

— Выйдите.

Он не двинулся. Мужчина на кушетке кашлянул, и в углу рта показалась кровь. Илья отступил на шаг. Вера видела, как он смотрит на кровь. Он не отводил глаз, и от этого ему становилось хуже.

— Выйдите, — сказала Вера. — Вы мешаете.

Он вышел. Дверь качнулась. Лена стояла у стены, в пальто нараспашку. Она вышла за братом. В коридоре Вера услышала её голос:

— Илья, что там?

И его ответ:

— Ничего. Не смотри.

Пришёл хирург, седой мужчина в мятом халате. Он посмотрел на жгут, на лицо мужчины, на Веру.

— Давно?

— Пять минут.

— Пульс?

— Сто двадцать. Слабый.

Он кивнул.

— В операционную. Сестра, вы со мной.

Вера пошла за каталкой. Колёса скрипели. Рука мужчины свесилась с края, пальцы были липкие от крови. В операционной хирург сказал:

— Считай.

Она считала инструменты. Руки были твёрдые. Она не думала ни об имени мужчины, ни о Лене, ни о письме. Она думала о следующем деле: зажим, салфетка, шов. Кровь была на её халате, на манжетах, на полу. Анестезиолог что-то сказал. Хирург протянул руку. Вера подала инструмент.

Потом всё закончилось. Мужчина был жив. Давление ещё низкое, но поднималось. Хирург стянул перчатки.

— Хорошо сработала, — сказал он. — Жгут вовремя.

— Спасибо.

— Ты чья?

— Круглова.

— А. — Он посмотрел на неё. — Андрея Ильича?

— Да.

— Понятно.

Больше он ничего не сказал. Вера вышла. В коридоре она увидела себя в тёмном окне: белый халат, тёмное пятно на левом рукаве, прядь волос выбилась из косы. Она заправила прядь и пошла, мыть руки.

Вода в раковине стала розовой. Вера намылила руки, потом запястья, потом под ногтями. Пятно на халате не сходило. Она потёрла его тряпкой, тряпка стала бурой. Вера остановилась.

В два часа Вера пришла к палате, где оставила Лену. Лена собирала вещи, а Илья сидел на подоконнике в коридоре. Пальто Лены лежало у него на коленях. Он смотрел в окно.

— Вы ещё здесь? — спросила Вера.

— Лена переодевается, — сказал он. — Её укачивает.

— Это пройдёт.

Он кивнул, но не двинулся. Вера заметила, что руки у него дрожат. Он спрятал их под пальто.

— Тот мужчина, — сказал он. — Жив?

— Жив.

— Вы не испугались?

— Испугалась.

— А руки не дрожали.

— Было некогда.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали сильнее.

— Я услышал крик, — сказал он. — Я думал, это она.

— С ней всё хорошо.

— Вы уверены?

— Уверена.

Он кивнул. Руки не переставали дрожать.

— Вы поэтому на всех кричали? — спросила Вера.

— Я не кричал.

— Вы командовали.

— Я хотел, чтобы её посмотрели.

— Её посмотрели. Врач сказал всё, что мог.

— Значит, мало.

— Значит, вы не хотите слышать.

Он замолчал. За окном по стеклу ползла капля. Вера смотрела на его лицо: молодое, упрямое, испуганное. Он был не старше её, может, младше. В блокноте у него были колонки, как у бухгалтера. Он думал, что если всё посчитать, то смерть можно обойти.

— Я не умею ждать, — сказал он тихо. — Я умею считать. А ждать не умею.

Вера посмотрела на его руки.

— Научитесь, — сказала она. — В больнице это нужнее, чем считать.

Он поднял глаза. В них не было злости. Только усталость.

— Вы всегда такая?

— Какая?

— Прямая.

— Нет. Иногда я молчу.

— Почему сейчас не молчите?

— Потому что вы не слышите, когда я молчу.

Он чуть улыбнулся. Улыбка вышла кривой, но живой.

Из палаты вышла Лена. Она была в пальто, с сумкой через плечо. Илья встал и взял у неё сумку. Лена посмотрела на Веру.

— Мы пойдём?

— Идите, — сказала Вера. — И не забудьте про дигоксин.

— Не забудем, — сказал Илья.

Он поправил Лене шарф, завязал его под подбородком, хотя она пыталась оттолкнуть его руки. Вера смотрела. В этом жесте не было контроля. Была привычка.

— Спасибо, — сказала Лена.

— Выздоравливай.

Они пошли вниз. На лестнице Илья обернулся. Вера уже смотрела на часы.

В три десять она спустилась в раздевалку. Села на скамейку, сняла туфли. Ноги гудели. Она посмотрела на халат. Пятно высохло и стало тёмно-коричневым, похожим на карту.

Ей казалось, что руки пахнут кровью, хотя она тёрла их мылом. Вера вытерла их о халат. В шкафчике лежал конверт. Она помнила, как отец мыл руки перед едой — долго, до локтя, как перед операцией. Мать говорила: «Он и дома на дежурстве». Вера тогда не понимала, что это значит.

Она достала письмо.

Конверт был мягкий. На лицевой стороне, почерком отца: «Вере. Лично». Вера открыла его большим пальцем. Бумага была тонкая, сложенная втрое. Чернила выцвели.

«Верочка.

Если ты это читаешь, значит, я не успел сказать тебе сам.

Если со мной что-то случится, не верь кассе. Не бери у них ничего. Ни для себя, ни для меня.

Я не оправдываюсь. Я только прошу: не спрашивай у них ничего. И не верь тем, кто скажет, что это долг.

Папа».

Она прочитала это дважды. Слово «касса» было подчёркнуто. Вера не знала, что оно значит. Она подумала о кассе в больнице, где выдавали зарплату. О сберкассе. Об очереди в приёмном покое. Ничего не сходилось.

На обороте листа было ещё несколько строк, мелких, торопливых. Вера прочитала первую: «И ещё, Верочка…» — и остановилась. В коридоре позвали сестру. Она сложила письмо, не дочитав.

За окном дождь кончился. Стекло было серым. На рукаве халата сохла чужая кровь.

Вера сидела на скамейке и смотрела на конверт. Потом посмотрела на часы. Стекло было треснуто. Стрелки шли. Ей ещё нужно было доработать смену.

Глава 6. «Запись»

В понедельник Илья пришёл в вычислительный центр к двум часам. В коридоре пахло мокрой шерстью и перегретой проводкой. На подоконнике сохли чьи-то перчатки. За дверью машинного зала ровно гудел вентилятор, и через каждые несколько секунд щёлкало реле.

Мельников ждал его у стола с папкой в руках.

— Сводка за девять месяцев, — сказал он. — Я просил к утру.

— Я закончил вчера. Отдал в машинный зал.

— Мне не сказали.

Илья положил на стол тонкую папку. Мельников открыл её, полистал, нашёл последнюю страницу. Его палец прошёл по строке с итогом.

— Пятьдесят четыре травмы, — сказал он. — Шесть тяжёлых. В прошлом году за тот же срок — пятьдесят восемь травм и семь тяжёлых.

— Данные сходятся.

— Я не спрашиваю, сходятся ли они. Я спрашиваю, откуда ты их взял.

— Из актов. Как вы велели.

Мельников посмотрел на него поверх очков. Стёкла были толстые, глаза за ними — маленькие и усталые.

— Ты понимаешь, что это не твоя работа? Ты лаборант. Твоё дело — перфокарты и ленты.

— Я и делаю.

— Тогда почему у меня такое чувство, что ты делаешь ещё что-то?

Илья не ответил. За окном по стеклу ползла вода. Внизу, у проходной, люди поднимали воротники и шли под дождь, не оглядываясь.

— Виктор Петрович, — сказал он. — Мне нужны старые распечатки. За семьдесят девятый год.

Мельников закрыл папку.

— Нет.

— Они же лежат в бумажном архиве. Я не прошу ничего доставать. Только посмотреть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не наши данные.

— Касса — не наши?

— Касса — профком. Профком — не вычислительный центр. Ты — лаборант по хоздоговору. Договор до декабря. Хочешь, чтобы его не продлили?

— Я хочу понять, что там написано.

Мельников вздохнул. Снял очки, протёр их носовым платком, снова надел.

— Илья, — сказал он тише. — Я тебя не отговариваю. Я тебя прошу. Не лезь.

— Вы знаете, что там?

— Я знаю, что у нас в центре считают зарплату, а не судьбы. Всё остальное — не моё дело.

Он взял папку и пошёл к двери. У порога обернулся.

— И ещё. Если тебе кто-нибудь предложит помочь с сестрой — не соглашайся сразу. Сначала подумай, кто платит.

Дверь закрылась. Илья постоял, слушая, как щёлкает реле. Потом посмотрел на часы. Четырнадцать минут третьего.

До конца смены оставалось почти четыре часа.

* * *

В бумажном хранилище вычислительного центра было холоднее, чем в коридоре. Стеллажи стояли в два ряда, между ними — узкий проход. На полках лежали коробки с перфокартами, рулоны перфолент и папки с распечатками. Пахло пылью, клеем и старой бумагой.

Илья знал это место. Раз в месяц он относил сюда коробки с лентами. Ключ от хранилища висел на гвозде у оператора, но оператор ушёл на обед, и дверь осталась приоткрытой.

Он вошёл.

На ближайшем стеллаже стояли папки с бухгалтерскими сверками. Он нашёл год: семьдесят девятый. Потом месяцы. Январь, февраль, март — и сразу май. Папки за апрель не было. На полке остался светлый прямоугольник: пыль лежала вокруг, а на этом месте её не было.

Илья потрогал пустое место. Пыль на пальцах была сухая, как мука.

Он взял папку за март. Внутри лежали квартальные итоги: сколько выдано, сколько возвращено, сколько переоформлено. Фамилий не было. Только цифры, сведённые по цехам. За апрель — ничего.

Он поставил март на место и взял папку за восьмидесятый год. Первый квартал. Это была сверка невозвращённых ссуд: долги, которые тянулись с прошлых лет. Бумага была ещё белая, края не успели обтрепаться.

Илья сел на табурет и начал читать.

Он искал не имя. Он искал цифру. Тысяча рублей — слишком круглая, чтобы потеряться. В сводках кассы такие суммы встречались редко. Большинство ссуд были маленькими: тридцать, пятьдесят, сто. Иногда двести. Тысяча стояла отдельно, как дом среди сараев.

На третьей странице он нашёл.

Строка была напечатана на АЦПУ, буквы неровные, с разрывами. Между колонками остались следы краски.

`ВЕРЕТЕННИКОВ С. С. — 1000 — ДОЛГОСРОЧНАЯ — ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ`

Илья прочитал строку ещё раз. Потом ещё. Буквы не менялись.

Под строкой, в графе «дата выдачи», стояло: `03.04.1967`.

Он посмотрел на эту дату, и у него заныло под грудиной, в том месте, где остался шрам. В апреле шестьдесят седьмого ему сделали операцию. Мать говорила об этом редко и всегда одинаково: «Тебя спасли в Москве. Врачи были хорошие». Он не знал точного дня. Но год знал.

Тысяча рублей. Долгосрочная. До востребования.

Он попробовал представить эту сумму. Отец получал, наверное, сто двадцать рублей. Значит, тысяча — это восемь месяцев работы. Восемь месяцев не есть, не платить за квартиру, не покупать ничего. Или шестнадцать его собственных получек. Или тридцать три пары джинсов, если верить Костиным ценам.

На пальто такие деньги не брали. На холодильник — тоже. Даже на машину, если бы отец её хотел, ссуду давали не такую.

Он перечитал колонки. Слева — фамилия и инициалы. Дальше — сумма. Дальше — вид ссуды. Дальше — срок. В графе «залог» стоял прочерк. В графе «поручитель» — `ШТЕРН А. Л.`

Штерн. Илья знал эту фамилию. Она встречалась в старых институтских бумагах, в списках кафедр, в названиях методичек. Профессор Штерн. Кажется, психология труда.

Он достал блокнот и переписал строку. Буквы получились мельче, чем в распечатке. Потом переписал дату и фамилию поручителя. Посмотрел на часы: двадцать минут третьего.

В соседней папке лежала сверка за второй квартал. Он пролистал её и нашёл ту же строку. Та же сумма, тот же срок. В третьем квартале — снова. Запись не закрывали.

Он вернул папки на место. Руки были в пыли. Он вытер их о штаны и вышел из хранилища. Оператор ещё не вернулся. В коридоре гудел вентилятор.

* * *

В профкоме было послеобеденное затишье. В коридоре пахло варёной картошкой и бумагой. У кассы никого не было, кроме Зои Павловны. Она сидела за деревянной решёткой и пересчитывала пачку трёшек. Перед ней лежала книга в коленкоровом переплёте, рядом — счёты.

Илья положил на полку тридцать рублей.

— За отца, — сказал он. — Веретенников.

Зоя Павловна подняла голову. У неё были усталые глаза и тонкие губы, поджатые так, будто она постоянно что-то считала.

— За какого отца?

— За Сергея Сергеевича. В кассе есть запись. Тысяча рублей.

Она посмотрела на деньги, потом на него. Не взяла.

— Твою ссуду мы закрыли двадцать пятого.

— Я знаю. Это не моя. Это его.

— Его ссуда не в этой книге. Она в главной.

— Вот и примите.

— Мальчик, — сказала она. — Ты что, думаешь, я могу принять тридцать рублей за тысячу?

— Это в счёт. Остальное буду платить.

— Чем?

— Получка. Каждый месяц.

Она покачала головой.

— За отца не принимаю.

— Почему?

— Потому что это не ссуда. Это запись. Её или закрывают, или ждут.

— До востребования.

— Вот именно.

— А если я хочу закрыть?

— Тогда не ко мне. — Она подтолкнула деньги к нему. — И не тридцатью рублями.

Илья не взял.

— Зоя Павловна. Что значит «до востребования»?

Её рука остановилась над книгой.

— Где ты это видел?

— В сверке. Долгосрочная ссуда, срок не указан. Написано: до востребования.

— Это не я оформляла.

— Я знаю. Но вы здесь работаете. Вы должны знать.

Зоя Павловна закрыла книгу. На обложке был штамп профкома и номер. Она положила на неё ладонь, будто боялась, что книга уйдёт сама.

— Так писали, когда срок не ставили, — сказала она.

— Почему не ставили?

— Не знаю. Может, так было нужно.

— Кому?

— Спросите у Виктора Аркадьевича.

— У Гончарова?

Она не ответила. Подтолкнула деньги к самому краю полки.

— Забери. Пока не поздно.

Илья взял тридцать рублей. Бумажки были тёплые. Он положил их во внутренний карман.

— Скажите ему, что я приходил.

— Он и так знает.

Она сняла трубку телефона. Илья вышел. В коридоре он обернулся. Зоя Павловна уже набирала номер.

* * *

Архив завода находился в подвале административного корпуса. Илья спустился по лестнице, миновал вахту и длинный коридор с трубами под потолком. Здесь пахло сыростью и мокрым бетоном. На стене висела схема эвакуации, выцветшая до голубизны.

За столом сидела женщина в сером халате. Перед ней лежала картотека, рядом — чашка чая с плавающим лимоном.

— Чего? — спросила она.

— Мне нужна книга за шестьдесят седьмой год. Касса взаимопомощи.

Женщина подняла голову. У неё были круглые очки и седые волосы, собранные в пучок.

— Какой год?

— Шестьдесят седьмой.

— Это учёт. Учёт хранится не у нас.

— А где?

— В бухгалтерии. Или в профкоме. У нас — техническая документация.

— Мне сказали, что книга у вас.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Кто сказал?

— В вычислительном центре.

— В вычислительном центре много чего скажут.

Она открыла ящик картотеки, порылась в карточках. Илья смотрел на её пальцы. Ногти были коротко острижены, на указательном — чернильное пятно.

— Шестьдесят седьмой, — сказала она. — Есть. «Касса взаимопомощи. Книга учёта». Но выдать не могу.

— Почему?

— На реставрации.

— Что это значит?

— То и значит. Старые книги иногда отправляют в переплёт. Чтобы не рассыпались. Я в это не вникаю.

— Когда вернут?

— Не знаю. Может, через месяц. Может, через два.

— А кто отправил?

Женщина перевернула карточку. На обороте был штамп и несколько строк, написанных от руки.

— Начальство, — сказала она. — А что?

— Ничего.

Он успел прочитать не только фамилию, но и дату. Двадцатое сентября. Заявка на переплёт. Буквы были свежие, синие, не такие выцветшие, как остальные записи.

Гончаров.

Девятнадцатого сентября Илья впервые увидел в кассе строку с тысячью рублей. Двадцатого книгу за шестьдесят седьмой год отправили в переплёт.

Совпадение было слишком аккуратным. Такие совпадения в бухгалтерии не любят. Их называют «сверкой».

— Спасибо, — сказал Илья.

— Не за что. Приходите через месяц.

Он вышел из архива и поднялся по лестнице. На первом этаже у окна стоял Гончаров.

* * *

Он стоял спиной, смотрел в окно на мокрый двор. В руке держал папку. Папка была сухая, а пальто мокрое, и на лацкане блестела капля. Он обернулся раньше, чем Илья успел пройти мимо.

— Илья Сергеевич, — сказал он. — Вот так встреча.

— Здравствуйте.

— Ты ко мне?

— Нет. В архив.

— В архив, — повторил Гончаров. — Зачем?

— Искал одну бумагу.

— Нашёл?

Илья посмотрел ему в лицо. Гончаров улыбался. Улыбка была тёплая, почти отеческая. От этого становилось хуже.

— Нет, — сказал Илья. — Книга на реставрации.

— Бывает.

— Вы её отправили?

Гончаров не перестал улыбаться.

— Я? Зачем мне книга за шестьдесят седьмой год?

— Не знаю. Вы же председатель кассы.

— Председатель. Не архивариус.

Он переложил папку из одной руки в другую. В коридоре было тихо. Где-то за стеной капала вода.

— Зоя Павловна звонила, — сказал Илья.

— Звонила, — согласился Гончаров.

— Что она сказала?

— Что ты приносил деньги. За отца. — Он посмотрел на Илью. — Не надо.

— Почему?

— Это не твой долг.

— А чей?

— Разберёмся.

— Твой отец брал ссуду, — сказал Гончаров. — Ты это ищешь?

Илья не ответил.

— Все брали, — сказал Гончаров. — Тогда время было такое. Одни на пальто, другие на холодильник, третьи на лечение. Твой отец не был исключением.

— Он вернул? — спросил Илья.

— Часть.

Илья вспомнил графу «погашено». В ней не было ни одной отметки.

— Сколько?

— Не помню.

— А остальное?

— Остальное — не твоя забота.

— Моя фамилия в книге.

— Фамилия — не долг. Долг — это подпись.

— Тысяча рублей.

— А что тебя удивляет?

— Это очень много.

— Тогда это было очень много. Сейчас — другие деньги. И другие долги.

— В записи написано «до востребования».

— Ну и что?

— Что это значит?

Гончаров посмотрел на него с ласковой усталостью, как смотрят на ребёнка, который задал взрослый вопрос.

— Это значит, что срок не назначен. Когда понадобится — потребуют.

— Кто потребует?

— Тот, кому должны.

— И кто это?

Гончаров улыбнулся.

— Ты, Илья. Ты же сейчас ищешь.

Из коридора вышла женщина с папками. Гончаров посторонился, пропустил её и снова повернулся к Илье.

— Не ищи то, что тебя не касается, — сказал он тише. — У тебя сестра больная. Тебе работать надо. Учиться. А не по архивам ходить.

— Вы знаете, что у меня сестра больная?

— Я кадровик. Я знаю всё, что написано в бумагах.

— А что не написано?

Гончаров посмотрел на него долго. Улыбка ушла. Осталось лицо усталого человека с тяжёлыми мешками под глазами.

— Не написано многое, — сказал он. — Но за это многое платят.

Он пошёл к выходу. У двери обернулся.

— Если будет трудно с лекарствами — зайди. Мы не звери.

Дверь закрылась. Илья стоял в коридоре, слушая, как капает вода. В кармане лежал блокнот с переписанной строкой. Бумага была тонкая, и буквы проступали через страницу.

* * *

Вечером Илья поехал в «Чайку-2». Трамвай был почти пустой. За окнами тянулись мокрые крыши, трубы, редкие фонари. На сиденье напротив спал мужчина в спецовке, прижимая к груди авоську с хлебом.

В квартире пахло супом и старыми газетами. Лена сидела за столом с учебником. На ней был свитер с растянутыми локтями, волосы заплетены в две тонкие косы.

— Ты почему не звонил? — спросила она.

— Работал.

— Мама на смене. Вернётся поздно.

— Знаю.

Он снял пальто, повесил его на стул. На кухне было тепло. На плите стояла кастрюля, накрытая полотенцем. Илья заглянул в неё: суп с картошкой и маленькими кусочками мяса.

— Ты ел?

— Ел, — сказала Лена. — Ты тоже ешь.

Он налил себе супа, сел напротив. Лена смотрела на него поверх учебника.

— Ты какой-то странный.

— Обычный.

— Нет. Ты как будто что-то считаешь.

Илья усмехнулся.

— Всегда что-то считаю.

— А сейчас особенно.

Он не ответил. Ложка стукнула о дно тарелки. В окне отражалась лампа и его собственное лицо — худое, с тенью под глазами.

— Лена, — сказал он. — Ты помнишь папину коробку?

— Какую коробку?

— С его вещами. Мама говорила, что-то осталось на антресолях.

— Не знаю. Может, там.

— Я посмотрю.

— Зачем?

— Хочу найти одну фотографию.

Лена отложила учебник.

— Ты сегодня был у мамы на работе?

— Нет.

— А где был?

— В архиве.

— И что там?

— Ничего. Бумаги.

Она посмотрела на него так, как смотрят на человека, который врёт слишком старательно.

— Ты как папа, — сказала она.

Илья поднял голову.

— Почему?

— Мама говорит, что он тоже никогда не отвечал на вопросы. Только говорил, что всё хорошо.

— Я не говорю, что всё хорошо.

— Да. Ты вообще ничего не говоришь.

Он хотел ответить, но в прихожей щёлкнул замок. Лена обернулась.

— Мама.

Нина Петровна вошла в кухню в мокром плаще, с сумкой на плече. Лицо у неё было усталое, под глазами лежали тени. Увидев Илью, она остановилась.

— Ты почему здесь?

— Заехал.

— Что-то случилось?

— Нет. Просто заехал.

— Смену закрыли раньше, — сказала она. — В столовой воду отключили.

Она посмотрела на него, потом на Лену. Что-то в её взгляде стало настороженным.

— Лена, иди спать, — сказала она. — Поздно.

— Я уроки…

— Утром доделаешь.

Лена закрыла учебник и вышла. Дверь в её комнату щёлкнула. Нина Петровна сняла плащ, повесила его на батарею и села напротив Ильи.

— Что ты искал в архиве?

Илья не стал спрашивать, откуда она знает.

— Книгу за шестьдесят седьмой год.

Мать молчала. На плите тихо кипел чайник.

— Кто тебе сказал про книгу?

— Никто.

— Илья.

— Я видел запись. В кассе.

Она закрыла глаза. На секунду показалось, что она сейчас встанет и уйдёт. Но она осталась.

— Сколько? — спросила она.

— Ты знаешь сколько.

— Я спрашиваю тебя.

— Тысячу.

Нина Петровна положила руки на стол. Пальцы у неё были красные, с трещинами на костяшках — от воды и мыла. Она работала раздатчицей в заводской столовой.

— Это был не долг, — сказала она.

— А что?

— Не знаю. Он не говорил.

— Но ты знала, что запись есть.

— Знала, что он что-то подписывал. Он не хотел, чтобы я читала.

— Почему?

— Потому что он боялся.

Илья посмотрел на неё. В кухне было слышно, как тикают часы в комнате. Мать смотрела в стол.

— Чего он боялся?

— Не знаю, — сказала она. — Он говорил: «Если со мной что-то случится, не трогай бумаги».

— Он говорил это тебе?

— Мне. И Вере.

Илья нахмурился.

— При чём здесь Вера?

Мать подняла голову. В её глазах было что-то, чего он раньше не видел, — не страх, а усталость человека, который слишком долго несёт чужую тайну.

— Не при чём, — сказала она. — Забудь.

Она встала и начала мыть чашку. Вода шумела в раковине. Илья смотрел на её спину.

— Мама.

— Хватит.

— Что было в шестьдесят седьмом?

Чашка стукнула о край раковины. Нина Петровна не обернулась.

— Тебя оперировали, — сказала она. — Вот что было. Тебя спасли. Остальное — не твоё дело.

— А чьё?

— Ничьё. Всё уже было.

Она вытерла руки полотенцем и вышла из кухни. Илья остался один. На столе лежал учебник Лены, открытый на середине. В окне отражалась лампа.

Он поднялся на антресоли.

* * *

Наверху было пыльно и тесно. Старые чемоданы, коробки с обувью, банки, свёртки. Илья включил фонарик на связке ключей — маленький, слабый, с треснувшим стеклом. Луч прошёл по полке и остановился на жестяной коробке из-под чая.

Он снял её. Коробка была тяжёлая. На крышке — выцветший рисунок: три чашки и самовар. Илья сел на пол, поставил коробку на колени и открыл.

Сверху лежала фотография.

Она была чёрно-белая, с белой рамкой. На обороте кто-то написал карандашом: «1966. Лаборатория». Илья перевернул фотографию.

Комната с высоким потолком. Лампы на штативах. Столы с приборами. Люди в белых халатах. В центре — женщина с ребёнком на руках. Ребёнок был маленький, в светлой рубашке, с тёмными волосами. Он смотрел не в камеру, а в сторону, на лампу.

Илья узнал его. Это был он.

Рядом с женщиной стоял молодой мужчина в очках. Он смотрел на ребёнка. У мужчины было лицо его отца — только молодое, без морщин, с тёмными волосами.

Женщина была не мать. Мать Илья нашёл на краю снимка: она стояла у стены, в тёмном платье, и смотрела не на ребёнка, а на женщину. Её лицо было напряжённым.

Кто была женщина с ребёнком на руках, Илья не знал.

В коридоре хлопнула дверь. Мать вышла из комнаты и прошла в кухню. Илья закрыл коробку и прислушался. Шаги остановились.

— Илья? — позвала она.

Он сунул фотографию в карман и поставил коробку на место.

— Я здесь, — сказал он.

— Ты что делаешь?

— Ищу старые учебники.

Пауза. Потом мать сказала:

— Спускайся. Чай остынет.

Он спустился. В кармане лежала фотография. Он чувствовал её краем через ткань, как маленький прямоугольный камень.

На кухне мать уже наливала чай. Две чашки, блюдце с печеньем, которое Лена не доела. Илья сел напротив.

— Ты что-то нашёл, — сказала мать.

Это был не вопрос.

— Учебники, — сказал он.

Она посмотрела на него и ничего не ответила. Взяла чашку обеими руками.

— В коробке, — сказал Илья. — Там фотография.

Мать не подняла глаз.

— Какая?

— Лаборатория. Отец молодой. Женщина с ребёнком.

Чашка в её руках дрогнула. Она поставила её на стол.

— Это было давно.

— Кто она?

— Не знаю.

— Ты была там. На фотографии. У стены.

Мать молчала. За окном проехал трамвай; стекло звякнуло.

— Я не помню, — сказала она.

— Ты помнишь.

— Илья.

— На фотографии шестьдесят шестой год. Запись — шестьдесят седьмого. Что случилось между ними?

— Ты хочешь считать, — сказала она. — Ты думаешь, если всё посчитаешь, то всё поймёшь. А там нечего понимать.

— Там долг. Тысяча рублей.

— Я знаю.

— И ты молчала.

— Я не молчала. Я платила.

Он посмотрел на неё. Она стояла у плиты, худая, в старом халате, и держалась за край так, будто боялась упасть.

— Сколько?

— Всё, что могла.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Он достал фотографию и положил на стол. Мать посмотрела на неё, но не взяла. Как будто та была горячей.

— Я не знаю, кто она, — сказала она. — Я видела её первый раз.

— И последний?

— Да.

— Почему отец сказал тебе не трогать бумаги?

— Потому что бумаги — это долг.

— А фотография?

— Фотография — это тоже бумага.

Он молчал. В кухне было слышно, как капает вода из крана.

— Не трогай это, — сказала она тихо. — Ты не знаешь, чем платят.

— Тогда скажи.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что тогда платить придётся тебе.

Она сказала это и сразу отвернулась, будто уже пожалела. Илья положил фотографию обратно в карман. В кухне пахло остывшим супом и мокрой шерстью.

— Тебе на последний трамвай, — сказала мать.

— Мама.

— Иди. Завтра на работу.

Он встал. В прихожей надел пальто. Мать не вышла провожать. Когда он уже открывал дверь, она сказала из кухни:

— Илья.

Он остановился.

— Не считай их. Они считают быстрее.

Он вышел на лестницу. Дверь за ним закрылась.

* * *

На улице было холодно. Дождь кончился, но асфальт блестел. Илья дошёл до остановки и сел в последний трамвай. Вагон был почти пустой. За окнами проплывали тёмные дома, редкие фонари, заводская проходная.

Он достал фотографию. В жёлтом свете было видно то, чего он не заметил дома: на обороте, в правом нижнем углу, отдельно от надписи, карандашом была выведена буква. Не подпись, не дата. Одна буква.

Z.

Она была бледная, будто её начали стирать и бросили. Илья провёл по ней пальцем. Бумага была шершавая. Буква ничего не значила. Или значила, но не для него.

Он перевернул фотографию. Женщина с ребёнком смотрела куда-то мимо объектива. Мать у стены смотрела на женщину. Отец смотрел на ребёнка. Три взгляда, и ни один не пересекался.

Илья подумал о Вере. О том, как она сказала: «Научитесь». Он не умел. Он умел считать. Но сейчас у него было имя поручителя, дата и буква. С этого можно было начинать.

Трамвай остановился. Илья посмотрел в окно: его остановка. Он сунул фотографию во внутренний карман, под пальто, и вышел.

Глава 7. «Отцовская коробка»

В понедельник после смены Илья купил в гастрономе полбуханки чёрного, банку яблочного повидла и печенье. Печенье взвесили на бумаге и завернули в кулёк. Продавщица спросила, будет ли он брать сахар. Илья сказал, что не будет. Сахар дома был, его всё равно выдавали по норме.

На улице шёл мокрый снег. Он падал на асфальт и таял, не оставляя следов. Илья шёл к трамваю, держа авоську перед собой. В ней постукивала банка.

Неделя перед этим прошла ровно и пусто. На заводе он считал текучесть кадров, в институте сдал контрольную, в библиотеке просмотрел подшивки за шестьдесят восьмой год. Статьи Штерна в них не было — только ссылка в списке литературы, а карточка в каталоге оказалась зачёркнута. Фотография лежала у него во внутреннем кармане, между страницами учебника. Он никому её не показывал. Иногда доставал и смотрел на букву «Z», но буква не становилась понятнее.

Гончаров за неделю не подошёл ни разу. Это было хуже, чем, если бы подошёл. Мельников дважды начинал с ним разговор и оба раза замолкал на середине фразы. Люба перестала спрашивать про тетрадь. В машинном зале всё шло как обычно: гудели вентиляторы, АЦПУ выплёвывал ленту, бумага шипела. Илья ловил себя на том, что прислушивается к шагам за дверью, и злился на себя.

В пятницу он задержался на заводе до семи. Мельников ушёл раньше, Люба тоже. В коридоре горела одна лампа из трёх. Илья шёл к проходной и слышал за спиной только собственные шаги. Он обернулся у турникета. Коридор был пуст.

В понедельник в трамвае было холодно. Печка не грела, стёкла запотели, и Илья протёр пальцем маленький кружок. За окном тянулись мокрые крыши, гаражи, длинный забор, за которым горели заводские огни. На остановке «Чайка-2» он вышел последним.

В микрорайоне пахло мокрым бетоном и дымом из котельной. В подъезде было темно, лампочка на втором этаже перегорела ещё в сентябре. Илья поднялся на третий, вытер ноги о половик и нажал кнопку звонка. Звонок не работал. Он постучал.

Дверь открыла Лена. У неё был красный нос и шерстяные носки поверх колготок. В руке она держала учебник.

— Ты опоздал, — сказала она. — Мама уже спрашивала, где тебя носит.

— На работе задержался.

— На работе или в трамвае?

— В трамвае.

Она заглянула в авоську, достала повидло.

— Яблочное? Тогда прощаю.

В кухне было тепло и тесно. На столе лежала газета, на газете — гречка, которую мать перебирала, откладывая чёрные зёрна в блюдце. На плите стояла кастрюля, накрытая полотенцем. Радио на подоконнике говорило вполголоса, как человек, которому давно никто не отвечает.

Мать подняла голову.

— Садись.

— Я не голодный.

— Садись.

Он снял пальто, повесил его на стул и сел. Мать поставила перед ним тарелку. Щи были вчерашние, но горячие. Илья взял ложку.

— Как на работе? — спросила мать.

— Обычно.

— Договор?

— До декабря.

Она кивнула, будто это был ответ на другой вопрос. Лена села напротив, подперла подбородок рукой и стала смотреть, как он ест.

— Гончаров звонил, — сказала мать. — Днём.

Илья перестал жевать.

— Что он хотел?

— Спрашивал про Лену. Как она после обследования.

— Зачем ему знать про обследование?

— Не знаю. Сказал, что может помочь с лекарствами.

— Не бери.

— Я и не беру, — сказала мать.

— Он часто звонит?

— Раз в месяц. Иногда реже.

— И что говорит?

— Спрашивает, как Лена. Предлагает путёвку в санаторий. Говорит, что может устроить в Москву.

— А ты?

— Отказываюсь.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что он попросит взамен.

— Он уже просил?

— Пока нет.

Лена переводила взгляд с одного на другого.

— А что за лекарства? — спросила она.

— Ешь, — сказала мать.

— Опять «ешь». — Лена отложила ложку. — Я не маленькая.

— Никто не говорит, что маленькая.

— Говорите. Всё время.

Мать посмотрела на неё. Лена не отвела глаз.

— Я не просила меня лечить, — сказала она.

В кухне стало тихо. Радио на подоконнике что-то пробормотало и замолчало.

— Лена, — сказал Илья.

— Что? Это правда. Вы оба делаете вид, что ничего не происходит, а потом шепчетесь на кухне.

— Мы не шепчемся, — сказала мать.

— Шепчетесь.

Она взяла кусок хлеба и начала отламывать от него маленькие кусочки, будто кормила невидимую птицу. Мать смотрела на её руки. Илья доел щи. Мать налила чай. В кухне стало слышно, как тикают часы в комнате.

— Я не хотела, чтобы ты слышала про лекарства, — сказала мать.

— Я и не слышала. Я догадалась.

— Лена.

— Можно я пойду?

— Сиди. Ты не доела.

Лена просидела ещё минуту. Потом взяла ложку и начала есть. Медленно, не поднимая глаз. Мать отвернулась к плите.

— Мам, — сказал Илья. — На антресолях стоит жестяная коробка. Из-под чая.

Мать не подняла глаз.

— Стоит.

— Там ещё что-то есть?

— Что ты имеешь в виду?

— Бумаги. Вещи.

— Фотографию ты взял.

— Взял.

— Верни.

— Потом.

Она отодвинула блюдце с гречкой. На газете осталась тёмная дорожка.

— Там больше ничего нет.

Она сказала это слишком быстро. Илья посмотрел на неё. Мать смотрела в стол.

— Я посмотрю, — сказал он.

— Не надо, Илья.

— Это вещи отца.

— Я знаю, чьи это вещи.

Лена перестала отламывать хлеб.

— А можно я тоже посмотрю? — спросила она.

— Тебе — уроки, — сказала мать.

— У меня всё сделано.

— Тогда помой посуду.

Лена встала, собрала тарелки и понесла их в раковину. Она мыла медленно, с громким стуком, и Илья понимал, что она слушает.

Мать встала.

— Я лягу, — сказала она. — Завтра первая смена.

— Я скоро пойду, — сказал Илья.

— Не пропусти последний.

Она вышла из кухни. Дверь в её комнату закрылась не сразу — сначала она постояла в коридоре, будто ждала, что он скажет ещё что-нибудь. Илья не сказал. Потом дверь закрылась.

Лена выключила воду и обернулась.

— Ты опять про папу?

— Да.

— Мама не любит, когда ты про него.

— Знаю.

Она вытерла руки о полотенце и подошла ближе.

— Она ночью плачет, — сказала Лена шёпотом.

Илья посмотрел на неё.

— Что?

— Сидит на кухне. Не включает свет. Я один раз видела.

— Когда?

— Давно. И потом ещё раз.

Илья не знал, что сказать. Лена взяла свой учебник.

— Только не говори, что я сказала.

— Не скажу.

— И не смотри на меня так.

— Как?

— Как будто я маленькая.

Она ушла в свою комнату. Дверь щёлкнула тихо. Илья остался на кухне. Часы в комнате шли ровно, с короткой паузой перед каждым ударом.

Он ждал. В двадцать два двадцать мать выключила свет у себя. Через десять минут погасла лампа у Лены. Илья посидел ещё немного, слушая, как в стене гудит вода и как соседи сверху двигают стул. Потом встал, взял табурет и вышел в коридор.

Антресоли шли под самым потолком, над дверью в большую комнату. Дверца была затянута обоями, как всё в этом доме, что не хотели замечать. Илья поставил табурет, встал на него и потянул за ручку. Дверца открылась с сухим стуком. В лицо ударила пыль.

Он включил фонарик на связке ключей. Маленький, слабый, с треснувшим стеклом. Луч прошёл по старым чемоданам, коробкам с обувью, банкам, свёрткам. Жестяная коробка стояла на прежнем месте.

Илья снял её. Коробка была тяжёлая. На крышке — выцветший рисунок: три чашки и самовар. Он сел на пол, поставил коробку на колени и открыл.

Сверху лежала отцовская кепка, серая, с потёртым козырьком. Под ней — бритвенный прибор в кожаном чехле, перочинный нож, катушка изоляционной ленты и сложенная вчетверо схема вагона. Всё лежало ровно, как в ящике инструментов. Отец не любил беспорядка.

В боковом отделении коробки лежал заводской пропуск в потёртой обложке. На фотографии отец был молодой, в галстуке, с гладко зачёсанными волосами. Он смотрел в объектив прямо, без улыбки. Внизу стоял номер и дата: «Действителен до 31.XII.1979».

Илья провёл пальцем по дате. Отец умер в октябре, а пропуск был действителен до конца года. Бумага не знала, что человек уже не придёт.

На дне, под старым полотенцем, лежал свёрток из синей клеёнки, перевязанный суровой ниткой. Илья развязал узел. Внутри были тетрадь и ключ.

Тетрадь была в тёмно-синей клеёнчатой обложке. На углу белела бумажная наклейка, на ней чернилами: «Веретенников С. С. 1967—1979». Ключ был маленький, латунный, на той же суровой нитке. К нитке был привязан жестяной номерок с цифрой «17».

Илья повертел ключ. Он был лёгкий, почти невесомый. На латуни виднелись царапины, будто его долго носили в кармане. Бородка была простая, с двумя зубцами. Такие ключи делали на заводе, в инструментальном цехе. Отец говорил: «Хорошая работа видна на ощупь». Илья тогда не понял. Теперь ему казалось, что начинает понимать.

Илья открыл тетрадь.

Бумага была в клетку. Отец разлиновал страницы от руки: дата, взнос, отметка. Почерк был ровный, с наклоном вправо, как в школьных прописях. Первая запись:

«3.04.67. Запись — 1000. Срок — 1979».

Ниже, другим столбцом:

«май. Взнос — 25. Принято.

июнь. Взнос — 25. Принято.

июль. Взнос — 25. Принято».

Илья листал дальше. Сорок страниц. На каждой — столбик цифр и короткие отметки. Иногда вместо «принято» стояло «отказано». Тогда отец подчёркивал строку дважды.

На последней странице первого раздела был итог:

«Внесено — 1000. Остаток — 1000».

Илья перечитал. Потом посчитал в уме. Тысяча минус тысяча — ноль. Но остаток стоял тот же. Он перевернул страницу, потом вернулся. Цифры не менялись.

Он вспомнил ночь, когда ему было одиннадцать. Он проснулся от жажды и вышел на кухню. Там горела настольная лампа, и свет лежал на столе узкой полосой. Отец сидел над тетрадью, такой же, как эта, и что-то считал. Перед ним лежала логарифмическая линейка и лежал раскрытый блокнот.

— Ты чего не спишь? — спросил отец.

— Пить.

— На, пей.

Он налил воды из чайника в жестяную кружку. Вода была тёплая и пахла металлом. Илья пил, а отец смотрел на него через стол. На нём была майка и старые брюки, на плечах лежали тени от лампы.

— Ты что считаешь? — спросил Илья.

— Долги.

— У нас есть долги?

— У всех есть.

— Большие?

Отец помолчал. Потом закрыл тетрадь ладонью.

— Не твои.

— А чьи?

— Мои.

Илья поставил кружку. На столе лежал карандаш, обкусанный с одного конца. Отец всегда грыз карандаши, когда думал.

— Ты поэтому не спишь?

— Поэтому.

— А если посчитать правильно, они кончатся?

Отец посмотрел на него. В его глазах было что-то, чего Илья тогда не понял. Теперь он думал, что это была не усталость, а страх.

— Если посчитать правильно, — сказал отец, — можно понять, сколько ещё осталось.

— А потом?

— А потом — спать.

Он забрал у Ильи кружку и поставил её в раковину.

— Иди. Завтра в школу.

Илья ушёл. У двери он обернулся. Отец снова открыл тетрадь и начал писать. Карандаш двигался быстро, ровно, как будто вычерчивал чертёж. На следующее утро тетради на столе уже не было.

Теперь она лежала у Ильи на коленях. Он провёл пальцем по краю страницы. Отец считал не только деньги. Он считал, чего они не сделали. И всё равно у него выходило, что они остались должны.

На следующей странице были вклеены квитанции. Тонкие, почти прозрачные бумажки, сложенные вчетверо. Илья прочитал верхнюю:

«Профком завода „Прогресс“. Касса взаимопомощи. Принято от гр. Веретенникова С. С. двадцать пять рублей. 03.06.1967».

Внизу стоял круглый штамп и неразборчивая подпись. Под ней была вторая квитанция, за июль. Третья — за август. Все на двадцать пять рублей. Илья перевернул верхнюю. На обороте, отцовской рукой, было написано:

«Не в счёт долга. Сказали — проценты».

Он посмотрел на дату. Июнь шестьдесят седьмого. Через полтора месяца после операции. Отец начал платить сразу. Каждый месяц, как за квартиру, как за свет, как за телефон. И каждый месяц ему говорили одно и то же. Деньги у него брали. В долг не записывали.

Дальше начинались «проценты». Отец писал их в той же тетради, но другим столбцом, более мелко.

«1971. Путёвка — 120. Не взял.

1972. Холодильник — 200. Не купили.

1973. Нина — курсы — 40. Не пошла.

1974. Мотоцикл — 300. Продали.

1975. Сверхурочные — 80.

1977. Лена — больница — 45.

1978. Перерасчёт. Отказано».

Внизу страницы:

«Итого — 1480. Принято — 0».

Илья смотрел на эти цифры. Он помнил мотоцикл: тяжёлый, с коляской, в которой его возили в Осиновку. Потом мотоцикла не стало. Отец сказал: «Деньги нужны». Больше ничего не сказал.

Под итогом, совсем низко, было написано:

«Г. сказал: не то».

Илья провёл пальцем по строке. Чернила были выцветшие, но буквы глубоко вдавились в бумагу. Отец писал сильно. Он всегда писал сильно.

Между страницами лежал сложенный вчетверо листок. Илья развернул его. На листке был план, тоже отцовской рукой:

«1. Копия записи. У Ш.

2. Свидетели: К., Н.

3. Перерасчёт — до октября.

4. Лену не вписывать. Ни при каких условиях».

Илья прочитал последнюю строку два раза. «Лену не вписывать». Он не знал, куда её не надо вписывать. В список? В бумагу? В долг? Слово «вписать» было обычным, канцелярским, но от него тянуло холодом.

На следующей странице была последняя запись:

«13.10.79. Был у Ш. Сказал: поздно. В понедельник — в партком. Если не ответят — в прокуратуру».

На этом записи обрывались. Отец умер в воскресенье, четырнадцатого октября. До понедельника он не дожил одного дня.

Сегодня было пятнадцатое октября. Ровно через пять лет после того понедельника.

Илья закрыл тетрадь. В коридоре было холодно. Он слышал, как за стеной тикают часы. Отец знал, что делает. Он собирал копии, искал свидетелей, готовил перерасчёт. Он не сидел и не ждал. Он воевал с бумагами теми же средствами, что и они.

И проиграл.

Ключ лежал на колене. Маленький, латунный, с двумя зубцами. Илья посмотрел на номерок. «17». Он приложил ключ к замку входной двери. Ключ был короче и тоньше. Не подошёл. Чемодан в коридоре был заперт на два замка, и оба ключа висели у матери в ящике.

Оставался завод. Илья помнил железные шкафчики в коридоре у архивного зала. Номеров он не помнил. Может быть, семнадцатый. Может быть, нет.

Он завернул тетрадь в клеёнку и сунул под свитер. Ключ положил в карман. Потом начал складывать вещи обратно. Кепка, бритвенный прибор, нож, лента, схема вагона. Всё на свои места. Он уже закрывал крышку, когда в конце коридора стало темнее.

Илья обернулся.

Мать стояла в дверях своей комнаты. В халате, босиком. В руке она держала край халата, будто ей было холодно. Свет из кухни падал ей на лицо, и лицо было спокойным. От этого становилось страшнее.

— Ты нашёл, — сказала она.

Это был не вопрос.

— Я искал…

— Я знаю, что ты искал.

Она подошла. Не к нему — к коробке. Посмотрела на тетрадь в его руках. Потом на ключ.

— Дай.

Илья не сразу разжал пальцы. Она протянула руку. Он положил ключ ей на ладонь.

Мать поднесла его к свету. Повернула. Её лицо не изменилось. Но рука остановилась.

Она держала ключ на ладони, как держат что-то живое. Большим пальцем провела по зубцам. Один раз. Другой. Илья смотрел на её руки. У неё были красные пальцы с коротко остриженными ногтями и белый шрам на указательном — от пореза.

— Это не от дома, — сказала она.

— От чего?

Она не ответила. Вернула ключ.

— Положи всё как было.

— Мама.

— Всё, кроме тетради.

Он посмотрел на неё.

— Ты знала, что она там?

— Знала.

— И не читала?

— Нет.

— Почему?

Она помолчала. За стеной Лена кашлянула во сне.

— Потому что я и так знала, сколько мы отдали, — сказала мать. — А он всё равно считал.

Она протянула руку. Илья не сразу понял. Она ждала. Он отдал тетрадь.

Мать открыла её на середине, провела пальцем по столбцу. Остановилась на строке «Нина — курсы — 40. Не пошла». Долго смотрела. Потом закрыла тетрадь и вернула.

— Ты хотела пойти на курсы? — спросил Илья.

— Хотела.

— Почему не пошла?

— Он сказал: не сейчас.

— А когда?

— Когда-нибудь.

— Он считал проценты.

— Я знаю.

— Ты платила?

— Платила.

— Кому?

— Не тебе.

Илья хотел сказать, что это не ответ. Но мать уже смотрела на ключ в его руке.

— Это не от дома, — повторила она. — И не спрашивай больше.

— Ты знаешь, что он открывает.

Она подняла голову. В её глазах было что-то, чего он раньше не видел. Не страх. Усталость человека, который слишком долго стоит на краю и ждёт, когда его столкнут.

— Я надеялась, что он его выбросил, — сказала она.

— Кто? Отец?

— Он.

— Ты знала, что у него есть ключ?

— Знала.

— И не спросила, от чего он?

— Спрашивала.

— И что он сказал?

Мать посмотрела на тетрадь.

— Сказал: «Это не долг. Это дверь».

Илья сжал ключ в кулаке.

— Какая дверь?

— Не знаю. Он не объяснил.

— И ты не настаивала?

— Я боялась, — сказала она. — Как ты сейчас.

В коридоре стало тихо. Илья слышал, как в кухне капает вода из крана. Мать стояла перед ним в старом халате, худая, с красными руками, и ждала, что он скажет. Он ничего не сказал.

— Он пытался закрыть долг, — сказала она. — Я знала, что он пытается. И ничего не сделала.

— Почему?

— Потому что он просил не вмешиваться. Сказал, что сам.

— И ты поверила?

— Я хотела поверить.

Она отвернулась. Илья посмотрел на её спину. В детстве он думал, что мать знает всё. Теперь он видел, что она знала ровно столько, сколько могла вынести, и остальное откладывала на потом. Потом оказалось поздно.

Она повернулась и пошла к себе. У двери остановилась.

— Тетрадь возьми. Ключ тоже. Только Лене — ни слова.

— Мама.

— Илья.

— Что открывает ключ?

Она посмотрела на него через плечо. В коридоре было почти темно.

— Не дом, — сказала она.

Дверь закрылась.

Илья постоял ещё минуту. Потом поставил коробку на антресоли, закрыл дверцу и вытер руки о штаны. Пыль осталась на пальцах, сухая, как мука.

Он надел пальто. В кармане лежал ключ, за пазухой — тетрадь. Тетрадь была тёплая, как будто её только что держали. Он посмотрел на часы. Двадцать три ноль пять. Последний трамвай уходил через двадцать минут. Он не хотел опаздывать. И не хотел уходить.

Он уже взялся за дверную ручку, когда из комнаты донёсся голос матери:

— Илья.

— Что?

— Не потеряй.

Он вышел на лестницу и закрыл за собой дверь. На площадке было темно. Ключ в кармане был тёплый от руки. Илья сжал его в кулаке и начал спускаться.

На первом этаже он остановился у почтовых ящиков. Их было двадцать, железных, с маленькими замками. Илья выбрал свой, третий слева, и попробовал ключ. Он не вошёл. Тогда Илья спустился в подвал, к двери с облупленной краской. Ключ не подошёл и там.

Он вернулся на площадку и посмотрел на номерок. «17». Маленький, ровный шрифт, как на заводских бирках. Такие номерки вешали на инвентарь и на шкафчики в заводских коридорах.

Однажды в воскресенье отец взял его с собой на завод — забрать какие-то бумаги. В коридоре у архивного зала стояли железные шкафчики. Отец открыл один, достал оттуда жестяную кружку и дал Илье конфету.

— Это мой второй дом, — сказал он.

Илья тогда не понял, почему у человека может быть два дома. Теперь понял: один дом был там, где он спал. Другой — где он прятал то, что не хотел приносить домой.

На улице снова шёл мокрый снег. Он падал на лицо и таял. Илья шёл к остановке и думал: мать даже не посмотрела на номерок. Она взяла ключ, повернула его в пальцах и сразу сказала: не от дома. Она узнала его на ощупь.

Глава 8. «Профессор Штерн»

В понедельник у Ильи отменили первую пару. Он узнал об этом от Кости, который проспал и всё равно бы не пошёл. Илья взял фотографию, отцовскую тетрадь и поехал в КПИ.

Неделю перед этим он искал фамилию Штерна в старых расписаниях и справочниках. Она встречалась в списках кафедры, в названиях методичек, в программе курса «Инженерная психология». Штерн читал лекции по понедельникам, в старом корпусе, с десяти до половины двенадцатого. Илья записал в блокнот четыре вопроса и ни одного не показал, ни матери, ни Косте. Матери — потому что она запретила бы. Косте — потому что он рассказал бы всем.

На улице шёл снег с дождём. Мокрые хлопья падали на пальто и сразу таяли. Илья шёл мимо булочной, откуда пахло горячим хлебом, мимо очереди у молочного, мимо телефонной будки с выбитым стеклом. Он считал шаги до перекрёстка, потом сбился и начал сначала.

Кафедра психологии труда занимала второй этаж старого корпуса. В коридоре пахло мокрой шерстью и бумажной пылью. На подоконнике сохли чьи-то перчатки, рядом лежала стопка газет. За дверью аудитории гудел голос.

Илья сел на стул у стены и стал ждать.

Секретарь кафедры, женщина в очках на цепочке, дважды посмотрела на него поверх бумаг.

— Вы к кому, молодой человек?

— К Штерну.

— Аркадий Львович на лекции. У него до половины двенадцатого.

— Я подожду.

— У него приём по средам. И вообще, студентам…

— Я не студент, — сказал Илья. — То есть студент. Но не по учебной части.

Женщина поджала губы. На столе перед ней стояла картотека, рядом — чашка чая с плавающим лимоном. Она перевернула страницу в журнале и больше не смотрела в его сторону.

Илья ждал.

Из-за двери аудитории доносился негромкий голос. Слова были слышны плохо, но интонация оставалась ровной, будто человек читал не лекцию, а приговор. «…и ещё раз: мы измеряем не человека, а ошибку…» Потом голос замолчал, и студенты за дверью задвигали стульями.

В коридоре появились студенты: сначала двое, потом ещё пятеро, потом целая группа. Они шли мимо, обсуждая зачёт, и не обращали на него внимания. В конце коридора открылась дверь, и вышел высокий старик.

Он шёл медленно, опираясь на трость. Пальто на нём было велико, твидовый пиджак под ним — старый, с потёртыми локтями. Лысину прикрывали редкие седые пучки. На левом ухе виднелся слуховой аппарат — маленькая телесная коробочка с проводом.

Илья встал.

— Аркадий Львович.

Старик остановился. Секретарь подняла голову.

— Вы ко мне? — спросил Штерн.

— Да.

— По какому вопросу?

— По шестьдесят шестому году.

Штерн не сразу ответил. Его рука, лежавшая на трости, чуть сдвинулась. Секретарь перестала писать.

— Молодой человек, — сказал Штерн. — Я прожил много лет. Шестьдесят шестой — не самый удобный для разговора.

— Это не разговор. Это фотография.

Илья достал снимок. Он не успел его развернуть, как Штерн сказал:

— Не здесь.

Он открыл дверь своего кабинета и пропустил Илью вперёд.

* * *

Кабинет был тесный и заставленный книгами. Они стояли на полках в два ряда, лежали на подоконнике, громоздились на полу у батареи. На столе — зелёная лампа, стеклянный графин с водой, пачка бумаг и тяжёлый телефон с диском. Пахло валерьянкой и старой бумагой.

Штерн закрыл дверь, подошёл к столу и сел. Трость он поставил рядом, но продолжал держаться за неё.

— Показывайте.

Илья положил фотографию на стол. Штерн надел очки, наклонился. Снимок был старый, с белой рамкой; на обороте карандашом было выведено «1966. Лаборатория».

Штерн смотрел долго. Потом провёл пальцем по краю снимка.

— Это Дворец культуры, — сказал он тихо. Он побледнел, но голос остался ровным. — Лаборатория на втором этаже. Мы ставили там лампы. Красные и зелёные. Испытуемый нажимал кнопку, когда загоралась зелёная. Он думал, что проверяют его внимание. А проверяли не его.

— Что проверяли?

Штерн поднял голову. Глаза у него были светлые, выцветшие, но острые.

— Откуда у вас фотография?

— В вещах отца. Его звали Сергей Сергеевич Веретенников.

Штерн снял очки. Положил их на стол. Некоторое время он смотрел на снимок, будто ждал, что тот заговорит.

— Веретенников, — повторил он. Потом покачал головой. — Нет. Не помню.

— Вы были его поручителем.

Штерн не ответил.

— В графе поручителя стоит ваша фамилия, — сказал Илья. — В сверке за первый квартал восьмидесятого. И во втором. И в третьем. «Штерн А. Л.».

— В бумагах много фамилий.

— Это ваша.

Штерн взял графин и налил воды в стакан. Вода шла толстой струёй, и он налил до краёв. Пить не стал.

— Что вы хотите? — спросил он.

— Я хочу понять, что было в шестьдесят шестом.

— В шестьдесят шестом был эксперимент. Слабый. Методическая ошибка.

— Ваша статья называлась иначе.

— О какой статье?

— Шестьдесят восьмой год. «О корреляции группового прогноза». Такая статья не пишется про методическую ошибку.

Штерн поставил графин. Стекло стукнуло о стол.

— Статьи не было.

— Она есть в списке литературы. В подшивке «Учёных записок». Только самой статьи нет.

— Список литературы — это кладбище, молодой человек. Там много имён.

— Ваше там тоже есть.

Штерн усмехнулся. Улыбка вышла короткой и невесёлой.

— Вы пришли с фотографией, с бумагами, с чужой фамилией. Вы думаете, что нашли ниточку. В вашем возрасте все думают, что нашли ниточку.

— Я не думаю. Я считаю.

— Вы математик? — спросил Штерн.

— Третьекурсник.

— Тогда вы должны знать, что корреляция не означает причинность.

— Знаю. Поэтому я здесь.

— И что вы насчитали?

— Я насчитал, что вы проверяли не внимание. И что результат вам не понравился.

Штерн посмотрел на него внимательнее.

— Откуда вы это взяли?

— Из списка литературы. Из ссылок, которые никуда не ведут. Из вопросов, на которые нет ответов.

В кабинете стало тихо. За окном по стеклу ползла вода. Штерн снял слуховой аппарат, положил его на стол, потом снова надел. Аппарат тонко свистнул и замолчал.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, статья была. Допустим, я написал такую статью. Что это меняет?

— Всё.

— Ничего. — Штерн поднял палец. — Ничего. Эксперимент был слабый. Мы неправильно выбрали выборку. Мы не учли усталость. Мы не учли, что люди хотят угадать. Три процента — это шум.

— Вы сами в это верите?

— Я верю в цифры.

— Тогда почему статью не напечатали?

— Потому что редакция тоже верила в цифры.

Штерн откинулся на спинку стула. Он смотрел не на Илью, а на книги.

— Вы думаете, наука — это когда все согласны? Наука — это когда никто не может доказать, что ты соврал. Мне не дали даже такой возможности. — Он помолчал. — Впрочем, это уже не наука. Это биография.

— Тютчев, — сказал он вдруг. — «Мысль изречённая есть ложь». Я всегда думал, что это про стихи. Теперь думаю, что это про протоколы.

Илья достал тетрадь. Он открыл её на последней странице и положил перед Штерном.

— Тринадцатое октября семьдесят девятого. «Был у Ш. Сказал: поздно».

Штерн прочитал. Его лицо не изменилось, но рука, лежавшая на столе, начала дрожать. Он убрал её на колени.

— Он приходил, — сказал Штерн.

— Вы сказали, что не помните.

— Я сказал, что не помню фамилию. — Он не поднял глаз. — Лицо помню.

— Что вы ему сказали?

— То, что написано.

— Что было поздно?

Штерн молчал.

— Что было поздно? — повторил Илья.

— Всё, что можно было исправить.

— Вы знали, что он погибнет?

— Я знал, что он не остановится.

Илья почувствовал, как у него холодеют пальцы. Он положил ладони на стол.

— Вы знали.

— Я знал, что он будет искать правду. Я не знал, чем это кончится.

— Вы были его поручителем.

— Я был трусом, — сказал Штерн. — Это точнее.

Он сказал это без пафоса, будто сообщал о погоде. Илья смотрел на его руки. Пальцы у старика были длинные, с крупными суставами, и дрожали так мелко, что это было заметно только на свету.

— Расскажите про эксперимент, — сказал Илья.

— Зачем?

— Потому что я не уйду.

Штерн посмотрел на дверь. Потом на фотографию. Потом на Илью.

— Приходите вечером, — сказал он. — Не в институт. Дома поговорим. Здесь стены тоже слушают, но у них хорошая память.

Он взял ручку и написал адрес на клочке бумаги. Почерк был мелкий, ровный, с сильным нажимом.

— В семь. И не опаздывайте. Я рано ложусь.

* * *

До завода Илья доехал на трамвае. Вагон был старый, с деревянными сиденьями; на полу лежал мокрый песок. Илья держал тетрадь под пальто, чтобы не намокла.

В вычислительном центре гудели вентиляторы. Мельников стоял у стола с папкой.

— Ты опоздал на семь минут, — сказал он.

— Трамвай.

— Трамвай ходит по расписанию.

— Значит, я опоздал.

Мельников посмотрел на него, но ничего не сказал. Он положил папку на стол.

— В пятницу комиссия. Из министерства. Им нужны сводки за три года и объяснительная по авариям. Ты успеешь?

— Успею.

— Не «успею», а к четвергу. Чтобы я успел прочитать.

Илья кивнул. Он сел за стол, включил лампу и достал перфокарты. Работа не шла. Цифры расплывались. Он ловил себя на том, что думает не о сводке, а о старике с дрожащими руками.

В половине пятого Мельников вернулся. Он посмотрел на стопку перфокарт, потом на Илью.

— Ты сегодня не считаешь, — сказал он.

— Считаю.

— Нет. Ты смотришь в одну точку.

Илья не ответил. Мельников постоял, потом сказал:

— В пятницу комиссия. Если у тебя в голове что-то другое, оставь это до субботы.

— Оставлю.

— Обещать не надо. Просто сделай.

Он ушёл. Илья посмотрел на дверь, потом на часы. До шести оставалось полтора часа.

В шесть часов он закончил. Мельников уже ушёл. Илья сложил бумаги, надел пальто и вышел.

На улице было темно. Снег прекратился, но под ногами хлюпала вода. Илья сверился с адресом. Садовая, двенадцать, квартира шесть. Это было недалеко от КПИ, в старом доме с аркой.

* * *

Дом стоял во дворе, за чугунными воротами. В подъезде пахло сыростью и кошками. На втором этаже Илья нашёл обитую дерматином дверь с номером шесть. Позвонил. За дверью долго ничего не было слышно. Потом щёлкнул замок.

Штерн открыл в домашнем пиджаке, без галстука. Слуховой аппарат он снял, и на его месте виднелась розовая впадина. В руке старик держал чашку.

— Входите, — сказал он громче, чем нужно.

Квартира была маленькая, две комнаты, но книг в ней было больше, чем в кабинете. Они занимали стены от пола до потолка, лежали на полу, на креслах, на крышке пианино. Пианино стояло у стены, накрытое выцветшей шалью. На крышке лежали ноты и жестяная банка с карандашами. На столе стоял старый телефон с тяжёлой трубкой.

В комнате пахло валерьянкой, чаем и пылью.

— Раздевайтесь, — сказал Штерн. — Пальто можно на стул.

Илья повесил пальто на спинку стула. Тетрадь он оставил при себе. Штерн прошёл на кухню и вернулся со второй чашкой. Поставил её перед Ильёй.

— Чай холодный, — сказал он. — Но крепкий.

Илья сел. Штерн опустился в кресло напротив. Без трости он казался меньше.

— Итак, — сказал он. — Вы хотите знать про эксперимент.

— Хочу.

— Тогда слушайте. В шестьдесят шестом я был не профессором, а старшим научным сотрудником. У меня была лаборатория во Дворце культуры. Три комнаты, две лампы, генератор случайных сигналов и двенадцать испытуемых. Мы изучали, как групповой прогноз влияет на статистику случайных сигналов. Испытуемый сидел перед лампой и нажимал кнопку. Если загоралась зелёная, он должен был нажать. Если красная — не нажимать. Сигналы шли случайно. Но группа, которая сидела за стеклом, знала, чего мы ждём. И ждала.

— И что?

— И лампы вели себя так, будто их тоже кто-то ждал.

— Один испытуемый, — сказал Штерн, — угадал четырнадцать зелёных подряд. По теории вероятностей это случается, но редко. После смены он отказался идти домой. Он сидел в коридоре и спрашивал, кто из нас нажимает на кнопку. Мы сказали, что никто. Он не поверил.

— И что вы сделали?

— Записали в протокол. Это всё, что делает наука, когда не понимает.

Штерн взял чашку. Руки у него дрожали, и он держал её двумя ладонями.

— Три целых две десятых процента, — сказал он. — Это немного. Это очень немного. Но это было больше, чем ошибка.

— Вы написали статью.

— Написал. В шестьдесят восьмом. Редакция вернула её через четыре месяца. «Эффект в пределах погрешности». «Методика недостаточно чистая». «Не рекомендуется к публикации». Я написал на первой странице: «Эффект существует». И положил в ящик.

— Почему не продолжили?

— Потому что лабораторию закрыли. Потому что мне дали понять, что лучше не продолжать. Потому что я испугался.

Он сказал это просто. Илья ждал, что он начнёт оправдываться, но Штерн не стал.

— А мой отец?

— Ваш отец был одним из испытуемых. Он пришёл в лабораторию осенью шестьдесят шестого. Ему было двадцать восемь. Он был инженером, работал на заводе, любил цифры. Он сидел у лампы и ждал зелёную. Он был очень внимательным. Слишком внимательным.

— Что это значит?

— Это значит, что он верил в то, что делает. А вера, молодой человек, — это не только слова. Это ещё и вес.

Илья хотел спросить, какой вес был у его отца, но Штерн продолжал:

— В шестьдесят седьмом он приходил ко мне. Не с лампой. С вопросом.

— С каким?

Штерн замолчал. Потом покачал головой.

— Это не имеет значения. Он умер. Остальное — подробности.

— Для меня это не подробности.

— Знаю. Поэтому вы здесь.

Он отставил чашку. На столе остался мокрый след.

— На фотографии ребёнок, — сказал Илья.

Штерн поднял голову.

— Женщина держит ребёнка.

— Я видел фотографию.

— Чей это ребёнок?

Штерн молчал.

— Это я?

— Я этого не говорил.

— Но вы не сказали, что нет.

Штерн посмотрел в сторону. На его лице было что-то, чего Илья не ожидал увидеть: не страх, а стыд.

— Я не знаю, — сказал он. — Я не хочу знать.

— Но вы что-то записали.

— Я записал всё, что нужно было записать.

— Букву «Z».

Илья перевернул фотографию. В правом нижнем углу, отдельно от надписи, бледным карандашом была выведена одна буква.

Штерн посмотрел на неё. Потом отвёл глаза.

— Это не моя буква.

— А в статье?

Штерн встал. Он подошёл к книжному шкафу, открыл дверцу, порылся в папках. Илья слышал, как он бормочет что-то себе под нос. Потом Штерн вернулся с тонкой картонной папкой, перевязанной бечёвкой.

Он развязал её, достал пожелтевшую машинопись. На первой странице стояло: «К вопросу о корреляции группового прогноза и статистики случайных сигналов». Ниже — фамилия. В правом верхнем углу — штамп редакции и карандашная помета: «Возврат».

Штерн положил машинопись на стол. На первой странице, поперёк текста, красным карандашом было написано: «Эффект существует. А. Ш.».

— Вот, — сказал он. — Читайте. Только не здесь. И не вслух.

Илья взял машинопись. Бумага была плотная, шершавая. На последней странице была формула, набранная на машинке:

«$\Delta p \approx k \times (W \times C \times P \times R) / (1 + Z)$».

Под формулой, от руки, синими чернилами: «Z — не измерен».

— Что такое Z? — спросил Илья.

— Фактор, который я не смог измерить.

— Это ребёнок?

Штерн посмотрел на него. В его глазах было что-то тяжёлое и усталое.

— Это то, чего я не понял, — сказал он. — И не хочу понимать.

— Вы отдаёте мне статью.

— Я отдаю вам статью.

— Почему?

— Потому что вы всё равно не отстанете. И потому что я устал молчать.

Штерн вдруг посмотрел на него, будто только сейчас увидел.

— У вас есть семья? — спросил он.

— Мать. Сестра.

— Она больна?

— Да.

Штерн не спросил, чем. Он только кивнул, будто ответ был давно известен.

— Тогда вы понимаете, за что люди держатся.

— Я ничего не брал.

— Пока.

Илья сложил машинопись. Он хотел спросить ещё сотню вещей, но в горле стоял ком. Штерн вернулся в кресло. Он выглядел очень старым.

— В гроссбухе кассы записан долг отца, — сказал Илья.

Штерн поднял голову.

— Не произносите это слово.

— Какое?

— Это. Здесь.

Он сказал это тихо, но Илья вздрогнул. Штерн взял чашку с блюдцем. Пальцы у него дрогнули. Чашка качнулась, соскользнула с блюдца и упала. Тонкий фарфор треснул. Чай разлился по клеёнке.

Штерн не сразу наклонился. Он сидел и смотрел на осколки. Потом начал собирать их дрожащими пальцами.

— Не надо, — сказал Илья. — Я соберу.

— Сидите.

Штерн собрал черепки в ладонь, отнёс к раковине. Вода зашумела. Илья видел, как старик держится за край раковины.

Когда Штерн вернулся, лицо у него было спокойнее, но руки всё ещё дрожали.

— Откуда вы знаете это слово? — спросил он.

— Из тетради отца. Из кассы. Из разговоров.

— Из каких разговоров?

— С Гончаровым.

Штерн закрыл глаза.

— Гончаров, — сказал он. — Ну конечно.

— Что вы знаете о нём?

— Достаточно, чтобы не говорить.

— Он был свидетелем?

Штерн посмотрел на Илью. Долго. Потом сказал:

— В шестьдесят седьмом было много свидетелей. Некоторые из них до сих пор живы.

— Кто?

— Не сейчас.

— Когда?

— Когда вы будете готовы услышать не только то, что вам нравится.

Илья хотел возразить, но Штерн поднял руку.

— Послушайте меня внимательно, Илья Сергеевич. — Он впервые назвал его по имени-отчеству. — Я не знаю, что вы найдёте. Я не знаю, где сейчас книга. Но если вы её найдёте, не читайте её вслух.

— Почему?

— Потому что чтение вслух — это подпись.

В комнате стало тихо. За окном проехал трамвай; стекло звякнуло. Илья посмотрел на машинопись в своих руках.

— Вы думаете, я в это поверю?

— Я думаю, вы уже поверили, — сказал Штерн. — Иначе вы бы не пришли.

Он встал и проводил Илью до двери. В коридоре было темно. На вешалке висело пальто, пахнущее нафталином.

— Аркадий Львович.

— Что?

— Вы были поручителем.

Штерн взялся за дверную ручку. Его рука остановилась.

— Я был трусом, — сказал он. — Я уже говорил.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Он открыл дверь. На лестнице горела одна лампа. Илья вышел на площадку.

— Илья Сергеевич.

Илья обернулся.

— Ваш отец был хороший человек, — сказал Штерн. — Это не оправдание. Но это правда.

Дверь закрылась. Илья услышал, как повернулся замок, потом — цепочка.

* * *

На улице было холодно. Мокрый снег снова начал падать, и ветер гнал его вдоль стены. Илья шёл к трамвайной остановке, держа машинопись под пальто. Бумага была тёплая от тела.

Он остановился под фонарём. Достал статью. На первой странице красным карандашом было написано: «Эффект существует». Ниже — формула с буквой «Z».

Илья посмотрел на букву. Потом сложил статью и спрятал обратно.

Вслух он ничего не читал.

На остановке было пусто. Трамвай шёл через семь минут. Илья сел на скамейку и посмотрел на часы. Без десяти девять. Он успевал в общежитие до закрытия.

В кармане лежала фотография, за пазухой — статья. Где-то в городе стоял дом с коленкоровой книгой, в которой был записан его отец. И старик с дрожащими руками знал об этой книге больше, чем говорил.

Илья поднял воротник. Снег таял на лице. Он думал о том, что Штерн сказал про подпись. Чтение вслух — это подпись. Значит, книга была не просто книгой. Значит, её можно было подписать, не прикасаясь к бумаге.

Он вспомнил, как отец ночью считал долги и говорил: «Если посчитать правильно, можно понять, сколько ещё осталось». Тогда Илья не понял. Теперь ему казалось, что он начинает понимать.

Он подумал о Штерне. Старик жил один, среди книг, с дрожащими руками и слуховым аппаратом. Он знал больше, чем сказал, но не был похож на человека, который хранит тайну ради власти. Он был похож на человека, который боится, что тайна хранит его.

Илья не знал, жалеть его или ненавидеть. Он решил, что потом.

Он подумал, что завтра надо сдать сводку, в четверг — отдать её Мельникову, в пятницу — комиссия. Обычная жизнь не отменялась. Это было почти утешением.

Три бумаги — фотография, статья и тетрадь отца — тянули в разные стороны.

Трамвай показался из-за поворота. Жёлтый свет шёл по мокрому асфальту. Илья встал.

Он не знал, что будет делать дальше. Но теперь у него была статья, формула с буквой «Z» и предупреждение, которое он не собирался проверять.

Глава 9. «Сдвиг»

В конце октября Лена стала кашлять по ночам.

Сначала это было почти незаметно: два-три толчка за стеной, потом тишина, потом снова. Илья просыпался, смотрел в потолок и считал. Один. Два. Пауза. Три. Он знал, что она лежит в своей комнате, повернувшись к стене, и прижимает ладонь ко рту, чтобы не разбудить мать. Утром она говорила, что просто сухой воздух. Мать говорила, что форточку надо закрывать. Лена говорила, что ей жарко.

В понедельник, двадцать девятого октября, Илья отпросился с последних двух часов смены. Мельников отпустил без вопросов. Илья приехал домой. В коридоре пахло варёной картошкой и мокрым пальто. Мать стояла у плиты, не оборачиваясь. Лена сидела на диване с книгой, поджав ноги. На столе перед ней лежала коробка из-под дигоксина — маленькая, картонная, с выцветшей синей полосой.

Илья взял её. Внутри оставалось четыре таблетки. Он открыл инструкцию. Бумажка была мягкая, затёртая на сгибах. «По одной таблетке в день». Четыре таблетки. Четыре дня. Дальше — пусто.

— Четыре? — спросил он.

— Пять, — сказала Лена. — Одну я утром выпила.

— Это четыре.

— Значит, четыре. — Она перевернула страницу. — Ты считать пришёл?

Мать поставила сковородку на стол.

— В аптеке нет, — сказала она. — Я была в субботу. Сказали, будет в конце недели. Может, будет.

— А если не будет?

Мать села. У неё было такое лицо, будто она уже ответила на этот вопрос много раз и каждый раз ответ был хуже.

— Тогда поедем в больницу. К Ирине Павловне.

— Она в отпуске до ноября, — сказала Лена.

— Выйдет.

— Она не в отпуске, — сказала Лена. — Она на курсах.

Мать посмотрела на неё. Лена не подняла глаз.

Илья взял коробку и вышел в коридор. Там было холоднее. Он надел пальто, проверил карманы: кошелёк, проездной, ключ от общежития. На левом запястье лежали отцовские часы. Он завёл их утром и поставил на семь минут вперёд. Стрелки показывали без десяти пять. Значит, было сорок три минуты пятого.

Он вернулся в комнату.

— Я в аптеку.

— Не надо, — сказала Лена. — Всё равно нет.

— Я спрошу.

— Ты уже спрашивал.

Он не стал отвечать. Мать проводила его до двери и тихо сказала:

— Не занимай больше. Слышишь? Я тебе запрещаю.

— Я не занять, — сказал он. — Я спросить.

Она посмотрела на него так, будто он уже соврал.

* * *

В аптеке №3 за прилавком стояла женщина в белом халате, которую он помнил с сентября. Тогда она продала ему последнюю упаковку. Сейчас она перебирала коробки с мазями и не сразу подняла голову.

— Дигоксин? — спросил Илья.

— Нет.

— Совсем нет?

— Совсем.

— А когда будет?

Женщина пожала плечами.

— Запишитесь на очередь. Позвоним.

— У меня сестра. Ей нельзя пропускать.

— У всех кто-то. — Она поставила коробку на полку. — Я не завод. Мне не привозят по звонку.

Илья достал рецепт. Бумажка была старая, сложенная вчетверо, с синей печатью. Женщина мельком взглянула на неё.

— Рецепт действителен до декабря. Придёте в конце недели. Может, привезут.

— В пятницу?

— Я сказала: в конце недели.

За спиной Ильи стояла женщина с двумя рецептами. Она спросила нитроглицерин. Женщина в халате не подняла головы:

— Нет.

Женщина спросила ещё раз.

— Нет.

Это было похоже на счёт.

Он вышел на улицу. Над заводом висело серое небо, из труб шёл пар, оседал на крышах и медленно сползал вниз. У остановки стояли люди с сумками. Илья посмотрел на часы. Без пяти пять. Значит, было сорок восемь минут пятого. До шести оставалось больше часа.

Он поехал на завод.

* * *

В коридоре профкома пахло мокрой шерстью и варёной капустой. У двери сто восемнадцатой комнаты сидели пятеро. На двери висела та же табличка: «Приём заявлений — понедельник, 16.00—18.00». Уголок бумаги был приклеен на три кнопки. Четвёртая так и не появилась.

Илья встал в конец очереди. Впереди была женщина в платке, которую он помнил с сентября. Тогда она ждала среду. Сейчас она держала на коленях сумку и смотрела в пол. Перед ней сидел мужчина в кепке. Он курил в форточку и стряхивал пепел на подоконник.

Дверь открылась. Вышел парень с забинтованной рукой — не тот, другой. Следом Зоя Павловна, в синем кардигане, с высокой причёской и очками на цепочке.

— Следующий, — сказала она.

Мужчина в кепке вошёл. Через пять минут вышел, складывая бумажку. Потом женщина в платке. Потом Илья.

В комнате стояли два стола, сейф и шкаф с папками. На одном столе лежала большая книга в клеёнчатом переплёте, на другом — счёты, чернильница и стопка бланков. Кац, председатель профкома, сидел сбоку и подписывал бумаги, не читая. Он был круглый, лысый, в поношенном пиджаке. На его столе стояла чашка с чаем, в которой плавал ломтик лимона.

— Веретенников, — сказала Зоя Павловна. — Ссуда закрыта двадцать пятого сентября. Что ещё?

— Мне нужна не ссуда.

— А что?

— Лекарство. Для сестры.

Зоя Павловна посмотрела на него поверх очков.

— Мы лекарствами не торгуем.

— Я знаю. Я подумал: может, через кассу можно как-то…

— Как-то — нельзя. — Она пододвинула к себе книгу. — В аптеке нет — иди в аптеку. В больницу. В райком. У нас касса взаимопомощи, а не снабжение.

— В аптеке говорят: будет в конце недели. Может, будет. А у неё осталось четыре таблетки.

Кац поднял голову, посмотрел на Илью, потом на Зою Павловну. Потом снова уткнулся в бумаги.

— Напиши заявление, — сказала Зоя Павловна. — На восемь рублей. Краткосрочную. Поручитель нужен.

— У меня никого нет.

— Тогда не могу.

Илья взял бланк. Бумага была тонкая, почти папиросная, с типографскими графами. «Прошу выдать ссуду…» Он достал ручку и остановился. В графе «цель» было пусто.

Дверь задней комнаты открылась.

— Зоя Павловна, — сказал Гончаров. — Что у нас?

Он стоял в дверях, в сером костюме и плохом галстуке. В руке — папка. Улыбка была та же, что в сентябре: вежливая, чуть усталая, с золотой коронкой.

— Веретенников. За лекарством.

— За лекарством? — Гончаров посмотрел на Илью. — Как Лена?

— Кашляет.

— Плохо. — Гончаров помолчал. — Заходи.

* * *

В задней комнате было тепло. На столе стояла чашка с чаем, в чашке плавал лимон. На стене висел календарь; двадцать девятое октября было обведено красным карандашом. Гончаров сел, положил папку и указал Илье на стул.

— Садись.

Илья сел на край.

— Сколько осталось?

— Четыре таблетки.

— Дня на четыре.

— На четыре.

Гончаров откинулся на спинку.

— В аптеке нет. В больнице очередь. Врач в Москве. Я всё знаю. — Он взял чашку, отпил, поставил. — Деньги у тебя есть?

— Восемь рублей. Я возьму ссуду.

— Ссуда не создаст лекарство. — Гончаров посмотрел на него. — Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда зачем пришёл?

Илья молчал. Он сам не знал, зачем. Может быть, потому что касса была единственным местом, где бумага что-то значила. Может быть, потому что он устал считать и хотел, чтобы кто-то другой посчитал за него.

Гончаров достал из ящика чистый бланк. Не такой, как у Зои Павловны. Этот был плотнее, с двумя колонками и круглой печатью в углу.

— Есть одна форма, — сказал он. — Малая просьба. Малый сдвиг.

— Сдвиг? — переспросил Илья.

— Так у нас называют. — Гончаров положил бланк перед Ильёй. — Когда вероятность чуть меняется в твою сторону. Официально — ссуда. Ты берёшь восемь рублей, покупаешь лекарство, возвращаешь. Всё как обычно. Но в особой графе мы записываем, что именно тебе нужно.

— Лекарство.

— Не «лекарство». — Гончаров покачал головой. — «Лекарство» — это желание. Касса работает не с желаниями. Касса работает с вероятностями.

Илья посмотрел на него.

— Я не понимаю.

— И не надо. — Гончаров подвинул бланк ближе. — Пиши точную фразу. Не «чтобы Лена выздоровела». Не «чтобы всё было хорошо». Нужен исход, который можно проверить. Дата, место, вещь.

— Я не умею.

— Умеешь. Ты же считаешь. — Гончаров взял ручку и протянул ему. — Пиши: «Лекарство для Веретенниковой Елены Сергеевны будет в аптеке номер три не позднее второго ноября тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года».

Илья взял ручку. Буквы получились неровными.

— «Будет»? — спросил он.

— А что?

— Может, «может быть».

— «Может быть» — это не просьба. — Гончаров смотрел на него. — Если ты сам не веришь, касса не поверит тоже.

Илья переписал. Теперь буквы были ровнее.

— Хорошо. — Гончаров прочитал. — Теперь залог.

— У меня нет ничего.

— Есть.

Гончаров посмотрел на его левую руку. Илья опустил глаза. Часы отца лежали на запястье: «Победа», круглый циферблат, треснувшее стекло. Он завёл их утром. Они шли на семь минут вперёд.

— Отцовские? — спросил Гончаров.

— Да.

— Помню. — Он сказал это тихо, без улыбки. — Он их при мне снимал. Когда оформлял.

Илья не спросил, когда и что оформлял отец. Он уже знал, что ответа не будет.

Он расстегнул ремешок. Часы легли на стол между бланком и чашкой. В комнате стало слышно, как идут стрелки. Гончаров взял их, перевернул, посмотрел на заднюю крышку. Потом положил обратно.

— Хорошо.

— Вы их вернёте?

— Когда вернёшь ссуду.

— А если лекарство не появится?

— Тогда часы останутся у нас. — Гончаров помолчал. — Но ты просишь не об этом. Ты просишь, чтобы появилось.

Он открыл дверь и позвал:

— Зоя Павловна. Кац. И гражданку из очереди позовите.

* * *

Зоя Павловна вошла первой. За ней Кац, с чашкой в руке, и женщина в платке. Она остановилась у порога, прижимая к груди сумку.

— Клавдия Петровна, — сказал Гончаров. — Нужны свидетели. Подпишете?

— Что подписывать?

— Что гражданин Веретенников просит ссуду на лекарство для сестры.

— У меня муж без лекарства, — сказала женщина. — Я с сентября хожу. Мне говорят: в среду. Я прихожу в среду. Говорят: в следующую.

— Здесь другое, — сказал Гончаров.

— Знаю, — сказала она. — Здесь бумага.

Женщина посмотрела на Илью. Потом на бланк. Потом на часы.

— Это для Лены? — спросила она.

— Для Лены, — сказал Илья.

Она перекрестилась.

— Дай Бог.

Зоя Павловна села за стол. Открыла книгу. Нашла свободную строку и вывела:

«29.10.84. Веретенников И. С. — 8 — краткосрочная — поручитель Гончаров В. А.»

Потом взяла второй бланк, тонкий, с машинописным текстом, и начала заполнять его мелким почерком. Илья видел отдельные слова: «малый», «сдвиг», «срок — 02.11», «залог — часы». Он не понимал, что они значат.

— Читайте, — сказала Зоя Павловна. — Вслух.

Илья посмотрел на бланк. В графе «формулировка» стояло:

«Лекарство для Веретенниковой Елены Сергеевны будет в аптеке номер три не позднее второго ноября тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года».

— Вслух?

— Так положено.

Он прочитал. Голос был ровный, будто он читал чужую фамилию в списке.

— Хорошо, — сказал Гончаров.

В комнате стало тихо. За окном кто-то уронил ведро; металл звякнул о бетон. Лампа под потолком мигнула. Зоя Павловна перестала писать; перо оставило на бланке маленькую кляксу. Телефон на столе Гончарова звякнул один раз и замолчал. Клавдия Петровна смотрела на Илью, и в её глазах было что-то похожее на жалость.

— Подписывайте, — сказал Гончаров.

Илья подписал. Зоя Павловна подписала второй бланк как свидетель. Кац подписал, не читая. Клавдия Петровна поставила крестик и вывела фамилию. Потом Зоя Павловна приложила круглую печать. Гончаров подписал как поручитель, крупно, с завитком.

Потом он взял часы, завернул их в бумагу, положил в конверт и запечатал. На конверте Зоя Павловна написала: часы «Победа», стекло треснуто, один шт.

Конверт ушёл в сейф. Дверца закрылась с мягким щелчком.

Зоя Павловна отсчитала восемь рублей. Илья взял. Бумажки были прохладные.

— Выкуп до второго ноября, — сказала она. — Потом пеня.

— Какая пеня?

— Обычная.

Гончаров проводил его до двери.

— До пятницы, — сказал он. — И не рассказывай никому. Вслух прочитал — и хватит. Больше не повторяй.

Илья вышел в коридор. Очередь посмотрела на него. Клавдия Петровна всё ещё стояла у двери, прижимая сумку. Она сказала:

— Дай Бог, чтобы привезли.

Он кивнул и пошёл к лестнице. На левой руке было пусто. Он потрогал запястье, будто проверял, не отвалилась ли рука.

* * *

Вечером в общежитии Костя лежал на койке с учебником на груди. Учебник был раскрыт на первой странице. Костя смотрел в потолок.

— Ты чего без часов? — спросил он.

— Отдал в ремонт, — сказал Илья.

— Стекло?

— Стекло.

— Ты же говорил, они ходят.

— Ходят. Но стекло треснуло.

Костя пожал плечами и вернулся к потолку.

— В пятницу философия, — сказал он. — Я не открывал. Совсем. Думаешь, прокатит?

— Не знаю.

— Ты всегда знаешь.

— Не всегда.

Костя посмотрел на него.

— Ты какой-то.

— Какой?

— Не знаю. Тихий.

Илья снял пальто и повесил его на стул. В кармане лежала квитанция: залог — часы «Победа», один шт., выкуп до 02.11.84. Он сложил её вдвое и убрал в тумбочку, под тетрадь.

Ночью он не спал. Радиатор щёлкал, за стеной кто-то кашлял. Илья лежал и считал: четыре таблетки, восемь рублей, четыре дня. Потом он представил часы в конверте, в сейфе, между папками. Стекло треснуто. Стрелки идут. На семь минут вперёд.

Он сказал себе: если лекарство появится, это ничего не значит. В аптеку могли привезти. В конце недели привозят часто. Это просто совпадение.

Он повторил это три раза. Потом повернулся к стене и закрыл глаза.

* * *

В пятницу, второго ноября, Илья пришёл к аптеке №3 за полчаса до открытия.

Было холодно. На лужах стоял тонкий лед, и трамваи шли медленнее обычного. У аптеки уже стояли четыре человека. Илья встал пятым. В кармане лежали восемь рублей и рецепт. Он сжимал их так, что бумага стала мягкой.

Дверь открылась в восемь. Женщина в белом халате — та же — встала за прилавок. Илья подошёл первым.

— Дигоксин.

Она посмотрела на рецепт. Потом на полку. Потом на ящик под прилавком.

— Есть, — сказала она. — Вчера привезли. Одна упаковка.

Илья услышал, как в ушах зашумело.

— Сколько?

— Восемь рублей.

Он положил деньги. Женщина пересчитала, завернула коробку в бумагу и отдала.

— Храните в темноте. Не больше одной таблетки в день.

— Спасибо.

Он вышел на улицу и развернул бумагу. Коробка была маленькая, синяя, с белой полосой. Внутри — блистер с таблетками. Он пересчитал: тридцать. На месяц. Он стоял на тротуаре, держа коробку в руках, и не знал, что делать. Потом сунул её во внутренний карман и пошёл к трамваю.

В институт он приехал к обеду. Ему нужно было вернуть книгу в библиотеку и взять консультацию по курсовой. В коридоре второго этажа пахло мокрой шерстью и мелом. У двери аудитории стояла Рита.

Она была бледная. Очки съехали на нос, коса растрепалась. В руке она держала зачётную книжку.

— Рита?

Она подняла голову.

— Я не сдала, — сказала она.

— Что?

— Теорию вероятностей. — Она сказала это ровно, будто читала чужую фамилию в списке. — Я готовилась. Я знала билет. Я вошла, села, взяла лист — и всё. Как будто пусто.

— Какой билет?

— Четырнадцатый. — Она посмотрела на него. — Я его повторяла вчера. Два раза.

— Может, пересдашь.

— Стипендия.

Она посмотрела на него, и Илье показалось, что она ищет в его лице что-то, чего там не было.

— Ты не виноват, — сказала она вдруг. — Я не то говорю.

— Я ничего не сделал.

— Я знаю. — Она поправила очки. — Просто обидно. Я всё делала правильно.

Она ушла. Илья постоял у двери, потом пошёл к библиотеке. В коридоре его догнал Костя.

— Представляешь, — сказал он. — Сдал.

— Философию?

— Ага. — Костя ухмылялся. — Я не открывал. Вот честно. Ни страницы. Зашёл, сел, вытянул билет. Там два вопроса. Один про Гегеля, второй про что-то ещё. Я начал говорить. Сам не понимаю, что говорю. Преподаватель кивает. Поставил «уд».

— И что спрашивал?

— Про Гегеля. И про что-то ещё. Я сказал, что Гегель — немецкий философ. Ещё сказал «диалектика». Преподаватель кивнул.

— Ты готовился?

— Нет. — Костя поднял руку, будто клялся. — Ни минуты.

— Повезло.

— Вот именно. — Костя хлопнул его по плечу. — Повезло.

Илья посмотрел на него. Слово «повезло» прозвучало как лишняя строка в ведомости. Он вспомнил бланк, восемь рублей, конверт с часами. Потом вспомнил Риту, её пустые глаза.

— Мне надо на завод, — сказал он.

— Ты чего?

— Смена.

Он вышел на улицу. Ветер нёс по тротуару обёртки. Илья шёл к остановке и считал: лекарство, Рита, Костя. Три.

На заводе в вычислительном центре было тепло и шумно. АЦПУ выплёвывало ленту, Мельников стоял у шкафа с магнитными лентами и что-то отмечал в журнале. На столе у Мельникова лежала тонкая папка с надписью «Сводка травм».

Илья сел за свой стол. Папка лежала рядом, раскрытая. Он не хотел смотреть, но фамилия была наверху.

«Ершов Н. П., 1946 г. р., слесарь-ремонтник литейного цеха. Ушиб правого плеча и грудной клетки. Травма лёгкая. От госпитализации отказался. Трудоспособность сохранена».

Дата: 02.11.84. Время: 14:20.

Илья прочитал три раза. Потом закрыл папку. В сентябре, в первый день, он уже видел фамилию Ершова в старой сводке. Тогда был ушиб кисти. «Без потери трудоспособности». Он запомнил фамилию, потому что она была обычной.

— Ершов, — сказал Мельников, не оборачиваясь. — Опять.

— Что случилось?

— Крюк зацепил. Потянуло, он упал на ящик. — Мельников пожал плечами. — В поликлинику свозили. Вернулся. Сказал, до конца смены доработает.

Илья посмотрел на папку. Потом на свои руки. На левом запястье было пусто.

— Ты его знаешь? — спросил Мельников.

— Нет. Фамилию помню.

— Половина завода помнит. Он вечно что-нибудь ловит.

Илья встал.

— Ты куда?

— В профком.

— Закрыто.

Илья всё равно пошёл. Коридор профкома был пуст. Дверь сто восемнадцатой комнаты была заперта, свет под ней не горел. Он постоял минуту, глядя на табличку. Потом достал из кармана квитанцию. Залог — часы «Победа», один шт., выкуп до 02.11.84.

Сегодня было второе ноября. Он посчитал в уме: восемь рублей ушли в аптеку, в кармане осталось тридцать копеек. Выкупить часы сегодня он не мог.

Он сложил бумажку и убрал обратно.

* * *

Дома Лена сидела на диване, укутавшись в одеяло. Мать мыла посуду. Илья положил коробку на стол.

— Привезли, — сказал он.

Лена взяла коробку. Открыла. Посмотрела на блистер. Потом на него.

— Где?

— В третьей.

— Ты стоял в очереди?

— Да.

Мать вытерла руки и подошла. Она взяла коробку, прочитала название, посмотрела на цену.

— Восемь рублей, — сказала она. — Откуда?

— Я занимал. В кассе.

— Я же сказала.

— Это ссуда. Я верну.

Мать смотрела на него. Потом на его левую руку.

— А часы где?

Илья спрятал руку в карман.

— В ремонте.

— Ты говорил, они ходят.

— Стекло. Я отдал, чтобы заменили.

Мать ничего не сказала. Она только посмотрела на его запястье ещё раз. Илья опустил руку. В кухне было слышно, как капает вода из крана. Потом мать открыла новую коробку, достала таблетку и положила её на блюдце.

— Утром.

Лена кивнула. Потом посмотрела на Илью.

— Спасибо.

— Не за что.

— Ты какой-то, — сказала она.

— Какой?

— Как будто не рад.

Илья хотел сказать, что рад. Но слово не выходило. Он смотрел на коробку, на блистер, на таблетку на блюдце. Тридцать таблеток. На месяц. Дальше — снова считать. Он должен был чувствовать облегчение. Вместо этого он чувствовал, как в животе тянет холодная нить.

— Я рад, — сказал он.

Лена улыбнулась. Мать смотрела на него.

Вечером он вернулся в общежитие. Костя спал, уткнувшись лицом в учебник. На тумбочке стояла раскрытая банка с килькой и кусок хлеба. Илья снял пальто, повесил его на стул и сел на койку.

В коридоре зазвонил телефон. Он звонил долго, потом замолчал. Через минуту в дверь постучали.

— Веретенников? — сказала дежурная. — Тебя.

Илья вышел в коридор. Телефон висел на стене, трубка была холодная.

— Да.

— Илья Сергеевич? — Голос был женский, официальный. — Из профкома. Виктор Аркадьевич просит вас зайти в понедельник. В шестнадцать.

— Зачем?

— Не сказал.

— А что-то передать?

— Сказал: вы знаете.

В трубке щёлкнуло. Илья постоял, слушая короткие гудки. В коридоре пахло пылью и мокрым пальто. За стеной тихо играло радио. Он думал о четырёх таблетках, о четырнадцатом билете, о крюке, который зацепил Ершова. Он не знал, что связывает эти вещи. Но впервые за неделю ему стало страшно.

Потом он повесил трубку и посмотрел на своё левое запястье.

Оно было пустым.

Глава 10. «Философия кассы»

В понедельник, пятого ноября, Илья пришёл на завод за сорок минут до назначенного времени.

Он плохо спал. Всю ночь за стеной капала вода, и он считал капли, пока не сбился. Утром ему казалось, что он всё ещё считает.

Над проходной висел красный флаг. Снег шёл с ночи, флаг намок и обвис, и казался тяжёлым, как мокрая тряпка. У стены курили двое рабочих в ватниках. Один держал древко с маленьким флажком и смотрел, как женщина в пуховом платке привязывает его к перилам балкона.

— Выше, — сказала женщина. — Выше, я сказала.

Рабочий поднял флажок на полметра. Женщина прищурилась и кивнула.

Илья прошёл мимо. Вахтёрша проверила пропуск, посмотрела на него поверх очков и ничего не сказала. В коридоре первого этажа пахло мокрой шерстью и варёной капустой. На доске объявлений висело расписание демонстрации: сбор колонны в восемь тридцать, построение у заводоуправления, начало в десять. У столовой висели свежие стенгазеты. С них смотрели лица передовиков, а под ними стояли цифры выполнения плана. Илья посмотрел на цифры. Они сходились.

Он поднялся на второй этаж. Здесь было тише, пахло бумагой и кофе. На полу лежала серая дорожка, у дверей стояли фикусы в кадках. В коридоре, у доски с приказами, висела фотография.

Илья видел её много раз. В первый день он остановился. С тех пор — ни разу.

Группа мужчин в костюмах стояла у нового вагона. Отец — второй слева, в белой рубашке и галстуке. Молодой, волосы зачёсаны назад, лицо спокойное, взгляд чуть в сторону. Рядом с ним — Гончаров, положивший руку ему на плечо. Тогда у него было больше волос и меньше живот, но тяжёлая челюсть и спокойные глаза остались те же.

Под фотографией была подпись: «Совет специалистов завода. 1976».

До смерти отца оставалось три года.

Илья смотрел на его лицо. Отец улыбался. Илья не помнил, чтобы он так улыбался. На левом запястье отца были часы. Илья узнал светлый циферблат и потёртый ремешок. Теперь они лежали в сейфе Гончарова.

— Веретенников?

Он обернулся. Из-за стола поднялась Клавдия Ивановна, женщина лет пятидесяти в сером платье, в очках и с брошью на груди.

— Виктор Аркадьевич ждёт, — сказала она. — Пальто можете оставить здесь.

В сентябре она улыбалась ему и называла Илюшей. Теперь смотрела поверх очков, как вахтёрша.

— Я не задержусь, — сказал Илья.

Она посмотрела на его пальто, мокрое на плечах, потом на часы. Было без пяти четыре. Постучала в дверь, приоткрыла её.

— Виктор Аркадьевич, Веретенников.

— Пусть заходит, — сказал голос из кабинета.

* * *

Кабинет был большой и неожиданно тихий. На стене тикали часы. Илья слышал, как секундная стрелка перескакивает с риски на риску. Гончаров не торопился.

Окно выходило во двор, где внизу ходили люди с флагами. На столе лежало зелёное сукно, стоял телефон с чёрным диском, лампа под зелёным абажуром и стопка папок. В углу

стоял сейф. На стене висел портрет Ленина и календарь. Седьмое ноября на календаре было обведено красным карандашом.

Гончаров сидел за столом и писал. Он не поднял головы, когда Илья вошёл. Ручка двигалась ровно, с нажимом. Потом он поставил точку, промокнул написанное пресс-папье, передвинул костяшку на деревянных счётах и только тогда посмотрел.

— Илюша, — сказал он. — Садись.

Илья сел на стул у стола. Стул был низкий, и пришлось смотреть на Гончарова снизу вверх. Он понял, что стул выбран не случайно.

Гончаров закрыл папку и убрал её в ящик. На столе осталась чашка с чаем в металлическом подстаканнике. Рядом стояла ваза с печеньем и баночка с лимоном.

— Чай будешь?

— Нет.

— А я буду. — Гончаров налил себе из чайника, положил в стакан ломтик лимона. — У нас сегодня день тяжёлый. Демонстрация, награждения, ещё эта комиссия.

— Какая комиссия?

— Министерская. — Гончаров помешал ложечкой. — Ты же сам готовил сводки.

Илья не ответил.

— Как Лена? — спросил Гончаров.

— Лучше.

— Лекарство помогло.

— Помогло.

— Ты не рад.

— Я рад.

Гончаров посмотрел на него и отпил чай.

— Не похоже.

Он поставил стакан. На столе остался мокрый круг.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

— Догадываюсь.

— Ну?

— Из-за кассы.

— Из-за тебя, — сказал Гончаров. — Касса — это бумага. А ты — человек.

* * *

Он открыл ящик и достал ещё одну папку. На ней была наклейка: «Веретенников И. С.». Илья увидел своё имя и почувствовал, как у него холодеет затылок.

Гончаров положил папку на стол, но не открыл.

— Ты ходил в архив, — сказал он. — Спрашивал книгу за шестьдесят седьмой. Потом был у Штерна. Потом взял в кассе малую просьбу. А теперь сидишь и думаешь, что я тебя вызвал, чтобы отругать.

— А зачем?

— Чтобы поговорить.

— О чём?

— О том, как ты будешь жить дальше.

Илья посмотрел на папку.

— Там что?

— Личное дело. — Гончаров пожал плечами. — Заявление о приёме. Справка о составе семьи. Копия свидетельства о рождении. Медицинская справка Лены. Всё, что положено.

— Зачем вам медицинская справка Лены?

— Я кадровик. — Гончаров улыбнулся. — Я знаю всё, что написано в бумагах.

— А что не написано?

Гончаров не ответил. Он достал из ящика вторую папку, тоньше, и открыл её. Внутри лежал лист с машинописным текстом и несколько таблиц.

— Твой отчёт, — сказал он. — «Статистика травматизма и задолженность по кассе». Мельников дал мне почитать. Он думал, что я его накажу. А я его подписал.

Он перевернул лист. На обороте был график: ломаная травм ползла вниз, а рядом, пунктиром, шла задолженность по кассе — и она ползла вверх.

— Красиво, — сказал Гончаров. — Ты не боишься красивых цифр.

Илья смотрел на лист. На полях были пометки, сделанные красным карандашом.

— Вы знали, — сказал он.

— Что у должников меньше травм? Знал.

— И ничего не сделали.

— А что я должен был сделать? — Гончаров откинулся на спинку. — Написать в газету? Рассказать на парткоме? Что касса взаимопомощи помогает людям не падать?

— Она помогает не им.

— Им, — сказал Гончаров. — Сначала им. Потом другим. Ты не досчитал.

Он закрыл папку.

— Ты думаешь, я тебя обманул с лекарством?

— Я думаю, вы знали, что кто-то заплатит.

— Конечно, знал. — Гончаров сказал это спокойно, без вызова. — Так устроено. Мир — это счёт. На одной стороне — сколько ты взял. На другой — сколько с тебя возьмут. Вопрос не в том, платить или не платить. Вопрос в том, кто считает.

— И вы считаете.

— Я.

— Кого?

Гончаров взял стакан, посмотрел на чай, поставил обратно.

— Ты хочешь имя?

— Хочу.

— Не получишь.

— Почему?

— Потому что ты пока не в деле.

Илья почувствовал, как в комнате стало тесно. Он посмотрел на сейф. На дверце был маленький замок и бумажная наклейка с инвентарным номером.

— Мои часы там.

Часы были отцовские. Илья помнил, как отец заводил их каждое утро, прикладывал к уху и слушал. Теперь они лежали в сейфе, рядом с чужими бумагами.

— Там, — сказал Гончаров. — Целы. Стекло треснуто, но идут. Я проверял.

— Отдайте.

— Выкупи.

— У меня тридцать копеек.

— Я знаю. — Гончаров улыбнулся. — Ты думаешь, я над тобой издеваюсь? Нет. Я тебе показываю, как работает счёт.

* * *

Он встал и подошёл к окну. За стеклом рабочие внизу поднимали на балкон длинный плакат. Буквы были синие на белом: «Слава рабочему классу!». Ветер загибал угол, и буква «С» хлопала, как парус.

— Ты думаешь, касса — это банда? — сказал Гончаров, не оборачиваясь. — Банда берёт деньги и уходит. Мы не берём деньги. Мы берём долю вероятности. Это другое.

— В чём разница?

— В том, что банда хочет всё. А мы хотим, чтобы завод работал.

Он повернулся.

— Ты знаешь, сколько у нас было травм за пять лет? Триста двенадцать. Сорок одна тяжёлая. Семь смертельных. А у должников — две тяжёлых и ни одной смертельной. Это не потому, что они стали осторожнее. Это потому, что кто-то считал.

— Вы.

— Я.

— И платили люди.

— Люди платят всегда, — сказал Гончаров. — Ты думаешь, без кассы они не платят? Они платят авансом. Кровью. Своей и чужой. Касса только перекладывает.

Он вернулся к столу, но не сел. Положил ладонь на спинку стула.

— В восемьдесят втором в литейном могло погибнуть трое. — Он сказал это тихо, почти буднично. — Я перевёл долг на одного. Он потерял два пальца. Те трое остались живы. Ты хочешь сказать, что я убийца?

— Кто он?

— Не важно.

— Для него важно.

— Для него — да. — Гончаров помолчал. — Он уволился. Уехал. Жив.

— Вы его выбрали.

— Я его посчитал.

— Это одно и то же.

— Нет. — Гончаров покачал головой. — Выбрать — это когда хочется. Посчитать — когда можешь.

Илья посмотрел на его руки. Чистые, с коротко остриженными ногтями. На безымянном пальце — золотое кольцо. На указательном — чернильное пятно, как у Зои Павловны.

— Вы были там, — сказал Илья. — В шестьдесят шестом.

Гончаров не сразу ответил.

— С чего ты взял?

— Вы были свидетелем в шестьдесят седьмом. Вы знали Штерна. Вы знали отца.

— Это не значит, что я сидел у лампы.

— Значит. — Илья посмотрел ему в глаза. — Потому что вы считаете.

Гончаров долго молчал. Потом кивнул.

— Был.

— Вы были испытуемым.

— Одним из двенадцати.

— Что там было? — спросил Илья. — В комнате.

— Лампы. Красные и зелёные. Штерн говорил: нажмите, если загорится зелёная. Мы нажимали. Тысячу раз. — Гончаров смотрел в окно. — Потом посчитали. Оказалось, мы угадывали чаще, чем могли.

— И вы поверили?

— Я увидел цифры. — Он повернулся. — Цифры не верят. Их читают.

— И вы видели, что произошло.

— Видел.

— Что?

Гончаров взял со стола пресс-папье и повертел его в руках. Мрамор был холодный, с прожилками.

— Увидел, что можно считать не только деньги, — сказал он. — Что людей тоже можно считать. И если считать правильно, они начинают жить дольше. Или меньше. — Он поставил пресс-папье. — Это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю?

— Что я злодей. — Гончаров усмехнулся. — Я не злодей, Илюша. Я бухгалтер.

— Бухгалтер не убивает.

— Бухгалтер считает. Убивают другие.

Он сказал это без раздражения. Илья вдруг понял, что Гончаров верит в каждое слово. От этого было хуже, чем, если бы он врал.

— Твой отец сидел через два стула от меня, — сказал Гончаров. — Он был упрямый. Он считал лучше всех в комнате. И он первым из нас понял, что лампы слушаются не людей, а ожидания.

— Ты нашёл его тетрадь, — сказал Гончаров.

— Нашёл.

— Там всё сходится. — Он помолчал. — Он был хороший счетовод.

— Он был должником.

— Был.

— И вы его не тронули?

— Мы не трогаем семьи.

— А если бы Лена?

— Лена — не должник.

— Она — семья.

— Вот именно. — Гончаров выдержал паузу. — Поэтому мы её не трогаем.

— Он умер.

— Он упал. — Гончаров посмотрел на него. — Я не трогал его.

— Но вы знали.

— Я знал, что он не остановится.

Гончаров открыл нижний ящик и достал тонкую папку. На ней было написано: «1966. Лаборатория». Он положил её на стол, но не открыл.

— Здесь всё, — сказал он. — Двенадцать фамилий. Тысяча проб. Три целых две десятых процента.

— Покажите.

— Не сейчас. — Он убрал папку обратно в ящик. — Сначала ты.

Илья хотел спросить, чьи это фамилии, но не спросил. Он и так знал, что одна из них — отцовская.

— И вы решили этим пользоваться.

— Я решил, что кто-то должен. — Гончаров посмотрел на него. — Если не я, то Демидов. Или партком. Или человек из Москвы, который не знает, где у нас литейный. Ты думаешь, они считали бы лучше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.